

Алексей Кангин

СОВЕТ ЕВРОПЫ

Алексей Кангин
Совет Европы

«Издательские решения»

Кангин А.

Совет Европы / А. Кангин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749657-9

2020 год. Космическая программа Советского Союза набирает обороты. В Солнечной системе остаётся всё меньше мест, где бы не побывал человек. Триумф человечества в космосе кажется предрешённым. Но как гром среди ясного неба, приходят тревожные вести с Европы, спутника Юпитера: при загадочных обстоятельствах там погибает вся команда исследователей. В чём же причина страшной трагедии? Диверсия, технические неполадки, вмешательство инопланетного разума? А может быть, что-то и вовсе невообразимое?

ISBN 978-5-44-749657-9

© Кангин А.

© Издательские решения

Содержание

1. Ленинград. 2020 год	6
2. Команда	13
3. Байконур	19
4. Луна	26
5. «Юрий Гагарин»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Совет Европы

Алексей Кангин

Посвящается моей музе и любимой жене Линаре, которая и подала мне идею этой книги.

© Алексей Кангин, 2016

© Алексей Кангин, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Ленинград. 2020 год

Утро, которое начинается с телефонного звонка, вряд ли предвещает хороший день. Так было и в этот раз. Коммуникатор зазвонил уже около пяти часов. Максим, едва открыв глаза, нащупал аппарат. Номер скрыт. Наверняка Контора. Поднеся коммуникатор к уху, Максим ответил:

- Да?
- Максим?
- Да, это я.
- Собирайся сейчас же и подъезжай в Контору. На Европе ЧП.

Тотчас послышались гудки. Такие будничные, одинаковые и тогда, когда кто-то просто ошибся номером, и тогда, когда сообщили, что произошло что-то страшное.

Максим поднялся и пошёл в ванную. По дороге он невольно остановился возле столика, на котором лежал журнал «Советский Космос». На его обложке красовалась команда из шести человек в скафандрах, улыбающихся и машущих руками зрителю. Заголовок большими буквами гласил: «Полярники в космосе: слава советским исследователям Европы!» Максим, как и любой человек в Советском Союзе, прекрасно знал, что в команде было двое иностранцев, но обложка о них тактично умалчивала. «И что же случилось с ними там, вдали от родной Земли?» – думал Максим. – «Кто из них уже не вернётся домой?» Помотав головой и решив не делать поспешных предположений, Максим продолжил свой путь в ванную.

На бегу выпив чашку кофе и съев один бутерброд, Максим уже через полчаса после звонка мчался за рулём своего автомобиля в Контору. Утреннее солнце купало Ленинград в лучах яркого летнего света, предвещая хорошую погоду. Красочные плакаты на информационных стендах вдоль дороги красноречиво сообщали об очередных успехах грандиозной советской программы по покорению космоса. «Циолковский – лучшее место для космического туризма!», «Всё для космоса!», «Яблони Марса – гордость страны!» Максим вспомнил, что как раз сегодня должна быть прямая трансляция с Марса, показывающая последние успехи в создании там первого инопланетного сада. Почва Марса в естественном состоянии непригодна для выращивания земных растений, поэтому её пришлось долго очищать от перхлоратов, и вот теперь можно было наблюдать результат. Максим иногда сожалел о том, что его приписали к Европе, а не к Марсу. Всё-таки Марс ближе, и работа там интереснее, а на Европе кроме льда и огромной буровой машины больше и нет ничего. Максим улыбнулся, вспомнив плакат «Космос – для людей!», на котором был изображён застрявший в расселине американский марсоход. Рядом с марсоходом стояли два советских исследователя в скафандрах и с фотоаппаратами, фотографируя эту «достопримечательность», а на заднем фоне виднелась марсианская база «Красная Звезда».

Максим добрался до Конторы как всегда быстро. Как только он вошёл в здание, тотчас дежурный на входе сообщил ему:

- Товарищ Касимов, вас ждёт у себя Василий Фёдорович.
- Спасибо, я понял.

Максим поднялся по лестнице и вошёл в кабинет своего начальника. Несмотря на яркие солнечные лучи, пробивающиеся через окно в его кабинет, Василий Фёдорович выглядел мрачнее тучи. В воздухе витал стойкий запах табачного дыма, и Максим понял, что дело было очень серьёзно, раз уж начальник курил прямо в кабинете.

- Василий Фёдорович, вызывали? – спросил Максим.

– Да, Максим, – Василий Фёдорович вздохнул. – Заходи, и открой окно по пути, я тут слишком накурил. Узнают, опять будут отчитывать.

Максим кивнул и прошёл к окну. По пути он заметил, что на столе у начальника лежит фотография всех шести космонавтов – исследователей Европы, или, как их в полушутку называли после статьи в «Советском Космосе», европолярников. Открыв окно, Максим с наслаждением вдохнул свежий прохладный воздух раннего лета, такой приятный на фоне густого табачного дыма, и сел за стол напротив начальника. Василий Фёдорович молча с отстранённым видом вертел в руках шариковую ручку, временами поглядывая в монитор ПЭВМ.

– Так что же произошло? – решил нарушить молчание Максим. Василий Фёдорович бросил ручку на стол и ответил:

– Беда. Все мертвы.

– Что? – Максим даже встал со своего места.

– Сядь, Максим. Умерли все. До единого.

– Когда? – Максим сел.

– Несколько дней назад. Точное время неизвестно. Обнаружили, только когда спутник прошёл над станцией.

– Что случилось? – в голове у Максима вертелись самые разные догадки, начиная от метеоритного дождя и заканчивая нападением инопланетян.

– Неизвестно. Погляди-ка сам, – Василий Фёдорович подозвал Максима поближе и протянул ему в руки несколько снимков. Максим взгляделся в изображения. Снимки были не лучшего качества, но главное разглядеть было можно. Европолярники лежали на мутном льду Европы, посреди ледяной пустыни. Это было страшное зрелище. Никаких повреждений скафандров не было видно. Но последний снимок поразил Максима больше всего. Последний, шестой европолярник, лежал прямо перед входом на станцию. Безо всякого скафандра. При этом на станции ярко горел свет, то есть следов технической аварии не было.

– Радиация? – предположил Максим, уже понимая, насколько несостоятельно выглядит его предположение.

– Для Европы были разработаны специальные скафандры, с повышенной радиационной защитой. На самой станции действует активная радиационная защита, создающая вокруг станции мощное магнитное поле. Иначе у нас бы люди в радиационном поясе Юпитера вообще работать не смогли. Да и радиация никак бы не объяснила, почему вдруг человек вышел на космический холод безо всякого скафандра. Так что не радиация.

– Так что же там произошло?

– Что-то совершенно непонятное. Четыре дня назад мы получили последний видеоотчёт с Европы о ходе проводимых там исследований. Всё шло как обычно. Но прошлым утром было обнаружено, что связь с Европой потеряна. Станция межпланетной связи не отвечала на наши сигналы. Лишь когда спутник вышел на обращённую к Земле часть орбиты, удалось установить связь с ним и сделать эти снимки.

– Они не успели далеко уйти от станции? – предположил Максим, подразумевая европолярников. Василий Фёдорович кивнул.

– Верно. Все оказались неподалёку от станции. Вот, есть панорамный снимок. Более того, судя по тому, как лежат тела, они уже шли обратно, к станции, когда погибли.

– Что же могло случиться? – вновь задал вопрос Максим, разглядывая новый снимок. Европолярники, мелкие фигурки на фоне мутного льда, были отмечены красными кругами. Они лежали уже буквально в нескольких километрах от входа в периметр станции. Им не хватило всего часа, а то и тридцати минут...

– Я подозреваю диверсию, – сообщил Василий Фёдорович.

– Но кому понадобилось делать диверсию на Европе? И зачем? – удивился Максим.

– Максим, у нашей страны всегда было много недоброжелателей и завистников. Ты знаешь, чем стал космос для нас тридцать лет назад, в начале девяностых, когда люди потеряли веру в те идеалы, которые скрепляли наше государство. Космос стал для нас новой надеждой,

новой дорогой в светлое будущее. Страшно подумать, что могло бы случиться, если бы тогда, в годы дефицита и падения духа, руководство страны не развернуло волевым усилием всю промышленность в сторону создания лунной базы. И только когда советский флаг появился на Луне, все поняли, что мы всё так же сильны, что Союз жив и готов вести человечество в лучшее будущее. Поэтому, Максим, космос для нас важнее всего. Никто не рискнул бы выступить против нас войной. Но наши враги прекрасно понимают, что бить надо не по нашим армиям, не по Кремлю даже, а по той идее, которая скрепляет нас. По идее покорения космоса. И наши враги ни перед чем не остановятся, чтобы убедить нас и весь мир в том, что человечеству нечего делать за пределами Земли, что там лишь холод, радиация и смерть. Вспомни, как исходили желчью западные газетёнки, когда мы начинали строить город на Луне. Этим русским мало вечно заснеженной Сибири, писали они, теперь они решили жить в безвоздушном пространстве! Да, Максим, да. Это правда. Мы выживем и в вечном холоде, и в безвоздушном пространстве. И это особенно бесит наших врагов.

– Но если вы правы и дело в диверсии, то кто и как мог её устроить? Вряд ли бы кто-то незаметно мог прошмыгнуть на Европу, убить там всех европолярников и вернуться назад.

– Никто не мог, – согласился Василий Фёдорович. – Поэтому я думаю, что диверсант был среди членов экспедиции.

– И сам себя убил в итоге?

– Именно так. Поэтому-то последний из них лежит сейчас перед станцией без скафандра. Я уверен, что он-то и есть наш диверсант.

– Можно понять, кто именно это? – Максим вновь взял в руки нечёткие снимки и принялся рассматривать их.

– Нет. У спутника маломощный передатчик, до нас доходит совсем слабый сигнал. Предполагалось, что спутник будет передавать информацию на станцию, а уже там его будут усиливать и ретранслировать на Землю. Но СМС не работает. Хорошие снимки нам получить не удастся.

– Но что могло заставить человека покончить жизнь самоубийством, пусть он и диверсант?

– Много может быть. Шантаж, например. Убеждения. Взрывают же себя в США террористы-смертники.

– Но космонавт-европолярник – это ведь не неграмотный пастух с бомбой, накачанный наркотиками, – возразил Максим.

– Ты прав, Максим, – согласился начальник. – Но твои доводы ничего не доказывают относительно Европы. Факты скорее на стороне моей гипотезы.

– Я понял, – кивнул Максим. – И что же дальше?

– Дальше будет новая экспедиция. И я хочу предложить тебе войти в её состав. Будешь вести расследование со стороны Конторы.

У Максима часто забилося сердце. Наконец-то, возможность отправиться в космос на настоящее задание! Он ждал этого очень долго. И сейчас он почувствовал радость, пусть и отдавал себе отчёт в том, что в нынешней ситуации она неуместна.

– Василий Фёдорович, я согласен! – сообщил Максим.

– Постой, Максим, подумай хорошенько. Ты должен понимать, что это очень рискованное мероприятие. Хоть за последние годы мы и продвинулись в области космических технологий, космос мы до сих пор более покоряем мужеством и отвагой наших людей, нежели техникой. Техника не всегда оказывается так надёжна, как бы нам хотелось. Отправка на Европу по степени опасности может оказаться равна отправке на войну.

– Я всё понимаю и я согласен, – подтвердил своё решение Максим.

– Я знал, что ты не откажешься. Можешь начинать готовиться прямо сейчас. Завтра тебя познакомят с остальными.

– Они тоже из нашего ведомства? – поинтересовался Максим.

– Нет, от нас ты будешь один. Я уверен, военные тоже пошлют своего человека. Но всё расследование будет на тебе. Нам надо понять, почему погибли люди. И не забудь изучить все материалы, какие у нас есть по Европе. Я распорядился выдать тебе специальный доступ в архив.

– Хорошо, я так и сделаю, – Максим поднялся, поблагодарил Василия Фёдоровича за оказанное доверие, и немедленно отправился в архив. Он был уверен, что прекрасно помнит всё насчёт Европы, но пренебрегать советом начальника не стал.

Максим спустился в архив и переговорил с архивариусом, который подтвердил, что ему выделен полный доступ к материалам по Европе и проводил его к нужному стенду. Контора даже в век информационных технологий предпочитала самую важную информацию хранить на бумаге, и Максим погрузился в кипу документов.

Европа, ледяной спутник Юпитера, по размеру чуть меньше Луны, расположена на расстоянии примерно от шестисот тысяч до миллиарда километров от Земли. Европа стала четвёртым после Луны, Марса и Венеры телом Солнечной системы, на котором была организована советская исследовательская станция. Станция «Совет» была создана всего год назад с целью поисков следов внеземной жизни в подлёдном океане Европы. Своё название станция получила в основном по политическим причинам: надо было показать всему миру, что Советская власть пришла уже и на самые окраины Солнечной системы. Технологии, применяемые для бурения льда на Европе, были отработаны ещё на антарктической станции «Восток», расположенной над реликтовым подлёдным озером. С первого же дня в состав экспедиции на Европе входили настоящие полярники, и это название быстро перекинулось на всех членов экспедиции.

Экспедиция состояла из шести человек, причём двое из них были иностранцами. За тот год, что существует станция, на ней успели побывать две смены европолярников. Вторая смена должна была вот-вот отправиться домой, но не успела. Погибла.

Основная задача текущего этапа экспедиции состояла в бурении льда с целью добраться до океана, попутно экспедиция занималась дистанционным исследованием Юпитера. Никаких полезных ископаемых на Европе не было, но обнаружение там жизни стало бы одним из величайших научных открытий в истории человечества. И Советский Союз поставил своей целью сделать такой подарок человечеству, навсегда закрыв вопрос, одиноки ли мы во Вселенной.

Радиационное поле Юпитера делало Европу очень трудным местом для размещения станции. Долгое время планировалось исследовать Европу исключительно автоматами ввиду удалённости и смертельной опасности излучения Юпитера для здоровья людей. Но концепция «Космос – для человека» требовала отправить туда людей, и советские учёные разработали сложный многослойный скафандр, практически полностью защищающий своего носителя от радиации. Эти скафандры были невероятно сложны в производстве, и это было одной из причин, почему на станцию и не могли отправить более шести человек одновременно. Максим подумал о том, что очень жаль, что сейчас шесть драгоценных скафандров просто лежат на Европе никому не нужные. Ведь если бы они были здесь, туда, наверное, можно было бы отправить целых двенадцать человек.

Максим продолжил изучение бумаг. Экспедиции был выделен один спутник для картографирования и радиолокационного зондирования поверхности Европы. Этот же спутник мог использоваться как усилитель радиосигнала на Землю. Конечно, одного спутника было мало, но Советский Союз не мог сейчас позволить себе большего. Именно этот спутник в итоге и обнаружил погибшую команду.

Максим вновь взял в руки снимок европолярников. Он знал их всех по именам, но лично знаком ни с кем не был. Даже не знал, кто из них, как и он сам, служил в Конторе. Экипажи для станции «Совет» тренировались отдельно друг от друга, закрытыми группами. Так что Максим сразу знал, с кем ему придётся отправиться на Европу. Вопрос был только по двум иностран-

ным членам экипажа. В прошлый раз это были американец и француз. Кто будет на этот раз, Максим мог только догадывался, и полагал, что без американцев вновь не обойдётся.

Вглядываясь в снимок, Максим думал о том, что же могло выгнать их всех за пределы станции. В диверсию он не верил. Если бы сломалась система жизнеобеспечения станции, если бы произошла разгерметизация, можно было бы говорить о диверсии. Но здесь-то всё было по-другому. Конечно, Максиму сразу пришла в голову мысль о том, что воздушные баллоны скафандров могли оказаться не полными, и поэтому европолярники смогли нормально выйти из станции, но уже не смогли вернуться. Но ведь у каждого был датчик наполненности баллонов, и поэтому все сразу никак не могли допустить ошибку и не посмотреть на него. И опять же, совершенно непонятно, зачем один человек вообще выскочил без скафандра. Не верил Максим в самоубийцу, способного пройти строгий отбор в космонавты и улетевшего за миллион километров для того, чтобы умереть. Чтобы сорвать европейскую экспедицию, достаточно было уничтожить буровую установку. Конечно, ей на замену прислали бы новую, но отправлять корабли к Европе раз в месяц было бы не по силам даже Советскому Союзу.

Но что бы ни привело к трагическим событиям на Европе, главное было в том, что люди-то погибли. И был прав Василий Фёдорович, когда утверждал, что отправка на ледяной спутник Юпитера не менее опасна, чем отправка на войну. Встреча с неизвестным всегда пугает. А когда знаешь, что встреча может иметь смертельный исход, становится вдвойне страшно. Максим соврал бы сам себе, если бы сказал, что не боится. Он понимал, что участие в экспедиции может закончиться трагично и для него. Но что было на другой чаше весов? Обычная жизнь здесь, на Земле. Если бы он с самого начала не понимал риска, то не вызвался бы участвовать в резервном отряде космонавтов.

Внезапно в голову Максима пришла мысль о том, что раз даже ему, сотруднику Конторы, страшно от того, что произошло на Европе, то каково сейчас остальным членам будущей экспедиции? Может быть, им вообще даже не сказали, что все погибли. Может быть, решили держать всё в секрете, пока это возможно. Чтобы проверить, есть ли уже какие-то сообщения о судьбе европолярников, Максим взялся за коммуникатор и вошёл в инфокоммуникационную сеть. Сеть молчала о европейской трагедии. Как Максим только что и предположил, достоянием общественности события на Европе не сделали. Но внезапно Максим вдруг наткнулся на видеотчёт руководителя экспедиции, датированный сегодняшним числом. Европолярник выглядел довольным и говорил о том, что всё в порядке, все члены экспедиции находятся в прекрасном состоянии и расположении духа, а работа по бурению ледяного панциря идёт полным ходом. С недоумённым видом уставившись в экран коммуникатора, Максим попытался понять, что это может значить. Его только что обманули?

Решив не откладывать вопрос на потом, Максим вышел из архива и направился прямо в кабинет начальника. Василий Фёдорович ничуть не удивился, вновь увидев своего подчинённого на пороге кабинета.

– Василий Фёдорович, я тут нашёл очень странное видео, – с ходу начал Максим, протягивая начальнику коммуникатор. – Мне хотелось бы понять, что это значит.

Василий Фёдорович взял коммуникатор в руки, на мгновение запустил видео и тут же выключил.

– Ну что ж, Максим, – возвращая коммуникатор подчинённому, проговорил он. – Это запись с двойниками. Хороший грим, плюс компьютерная графика и обработка голоса. Ты и не заметишь разницы. Мы сразу, ещё на Земле, записали целый комплекс таких видеотчётов для того, чтобы в случае необходимости прикрыть внештатную ситуацию.

– То есть о том, что все европолярники мертвы, официально сообщать не будут?

– Нет, Максим, не будут. Паника нам не нужна. Для всех они благополучно вернутся на Землю в ближайшие дни, как и положено по графику.

– А новая экспедиция? Их оповестили обо всём этом?

– Только начальника экспедиции. И я думаю, ещё кто-то один. Человек от военных всё знает, наверняка. Остальные – нет.

– Какие же ещё сюрпризы ждут нас на Европе, о чём вы мне не рассказали? – раздражённо спросил Максим. В другое время он ни за что не позволил бы себе так разговаривать с начальником, но сейчас ситуация была особой. Его хотели отправить за сотни тысяч, за миллион километров, и при этом ему не говорили всего, что касалось экспедиции.

– Больше никаких, – ответил Василий Фёдорович. – Я понимаю тебя, Максим. Твоё возмущение мне понятно. Ты отправляешься в крайне рискованную экспедицию, откуда можно и не вернуться. Я не обманывал тебя, когда сказал, что мы понятия не имеем, что же произошло там, на Европе. Может быть, я прав, и дело было в диверсии. Может быть, причина в каких-то природных явлениях. В конце концов, мы отправились на Европу для того, чтобы найти там жизнь, и нельзя сбрасывать со счетов возможность вмешательства инопланетного разума. Отправляться на Европу рискованно, и если ты считаешь, что этот риск слишком велик, ты можешь остаться здесь, на Земле.

– Нет, – сходу ответил Максим. Несколько лет он готовился к тому, чтобы отправиться на Европу, и теперь просто не мог свернуть с этого пути. Это означало бы, что все предыдущие годы потрачены впустую. Всё-таки то, что отправиться на Европу предложили именно ему, показывало, что руководство высоко оценивает его. Ведь кого попало туда не отправили бы. Люди ждали своей возможности годами, и не все дожидались её.

– Максим, я дам тебе ещё один день хорошенько всё обдумать. Пока остальная команда ещё собирается, мы можем подождать.

– Я согласен, – подтвердил своё решение Максим. – Просто я хотел узнать, всю ли правду рассказали мне.

– Всю. Всё, что известно мне, я рассказал тебе. А вопрос с постановочными записями, строго говоря, к нашему делу даже и не относится.

– А с нами тоже будут делать такие записи? – поинтересовался Максим.

– Да, конечно. Это часть обязательной программы, так сказать. Ещё с тех времён, когда американцы летали на Луну.

– То есть американцы не были тогда на Луне? – удивился Максим.

– Этого я тебе не говорил, – хитро улыбнувшись, ответил Василий Фёдорович.

– Ладно, – согласился Максим, понимая, что больше ничего вытянуть из начальника не получится. – Я могу идти?

– Да тебе, на самом деле, давно пора.

Максим кивнул и вышел. Ещё пара минут, и он уже стоял на улице за пределами конторы. Солнце в этот день, казалось, светило особенно ярко, словно дразня Максима, который в ближайшие полгода будет видеть Солнце лишь как небольшое пятнышко в чёрном небе Европы. Миллион километров... Страшно даже представить себе, какое это расстояние. Пожалуй, это слишком далеко от дома.

Автомобиль Максима стоял неподалёку, но он решил прогуляться пешком по округе, словно стараясь набраться солнечного света и тепла, чего он будет на долгие месяцы лишён на Европе. Даже когда он проходил тренировки в Антарктиде, Солнце всегда было рядом. А с Европы даже и не поймёшь, что это там такое в небе и какая от него польза.

Но даже при таких мыслях Максим не мог не восхищаться мощью человеческого разума, который сумел сделать так, что человек способен жить и за пределами Земли. Пусть до полноценной колонии на Европе было ещё очень далеко, да и вообще под вопросом была целесообразность её создания. Было важно только то, что люди уже включили Европу в свою, человеческую среду обитания, и это означало, что однажды люди пойдут и дальше. За пределы Солнечной системы.

А пока Максим думал о том, что ему выпала возможность, которая станет столь редкой в ближайшем будущем: прогуливаться под Солнцем родной Земли, слыша шелест недавно зазеленевшей листвы и чувствуя кожей прохладный ветер с Невы. Таких ощущений не будет больше ни на одной планете, куда бы ни ступила нога человека.

2. Команда

Центр космических исследований, так же как и центр антарктических исследований, находился именно в Ленинграде. Сюда и съехались со всего Союза будущие европолярники, хорошо знакомые Максиму по его зимовке в Арктике. Конечно, Арктика очень мало похожа на спутник Юпитера Европу. Каким бы негостеприимным ни был шестой континент, он всё же оставался частью их родного дома – Земли. Там был воздух, был ветер, был снег, который можно растопить и получить воду. На Европе всего этого не будет. Только бесконечная ледяная пустыня, темнота и радиация. По условиям подготовки к полёту будущие европолярники должны были постоянно пребывать в Антарктиде в скафандрах, снимая их только внутри жилых модулей. И поэтому, можно сказать, им было проще, чем обычным полярникам. Будущие космонавты не страдали от холода, ветра и небывалой сухости воздуха. Но кто сейчас мог сказать, насколько полученный ими в ходе обучения опыт поможет в условиях другого небесного тела?

Незадолго до начала собрания, на котором должны были объявить приглашённым журналистам новый состав экспедиции, Максим встретил своего коллегу по зимовке. Это был Константин Тихонов, настоящий полярник с многолетним стажем. Именно он и должен был возглавить экспедицию. Константин поприветствовал Максима и пожал ему руку. Максим на секунду задумался, стоит ли говорить Константину о том, что он знает правду о настоящем положении дел на Европе. Но Константин не знал, что Максим работает в Конторе, и потому раскрывать себя не стоило. Вместо этого Максим решил предоставить Константину право говорить самому.

– Ну что, как ощущения перед отправкой? – спросил Константин.

– Немного не по себе, – ответил Максим. – Всё-таки на полгода во тьму...

– За полярным кругом, знаешь ли, тоже бывает ночь по полгода. И чтобы такое увидеть, даже за пределы Союза не надо уезжать.

– Ну да, ты прав. От этого люди не умирают, – Максим не знал, зачем он вдруг сказал эту фразу. Константин пристально на него посмотрел, словно пытаясь понять, не был ли это какой-то сигнал. Но в ответ лишь произнёс:

– Да, ты прав, от этого не умирают.

Максиму показалось, что он начал какую-то игру, в которой каждый из собеседников, не задавая прямых вопросов, должен выяснить, что известно другому. Но Максим и так знал, что будущий глава экспедиции осведомлён о случившемся. Поэтому Максим не стал продолжать эту игру. Вместо этого он поинтересовался:

– Видел уже наших?

– Да, где-то здесь все ходят.

– А иностранцы кто? С ними знаком уже?

– Да, знаком. Полярник из США, мой старый знакомый, и японец, морской биолог.

– Японец? Неожиданно даже, – удивился Максим. – Я почему-то думал, что возьмут кого-то из соцблока, китайца, например.

– Ну, соцблок и так с нами, надо показывать, как у нас всё хорошо, и капстранам, – пояснил Константин.

– Тоже верно, – согласился Максим. – А где, кстати, все?

– Да, наверное, уже в зале. По крайней мере, говорили, что направляются туда.

– Может, и мы пойдём? – предложил Максим.

– Давай, – согласился Константин, и они пошли в зал заседаний.

Зал был полон, но заполняли его люди, которые относятся к космическим экспедициям весьма косвенно. Здесь в основном были журналисты, да несколько учёных. Константин про-

вёл Максима к специальным местам рядом с самой трибуной, где уже сидели остальные. Виктор Ларин, инженер, который должен будет обслуживать на Европе буровую установку и всю электронику станции, и Михаил Петрович Харитонов, врач экспедиции. Виктор был ровесником Максима, и почему-то Максим подозревал, что человек военных – как раз он. Михаил Петрович был старше всех в экспедиции, и его опыт в медицине должен был очень пригодиться на Европе. Максим подумал, что как раз для Харитонова произошедшее на Европе и станет самым большим вызовом. Ему надо будет и установить причины смерти предыдущей экспедиции, и позаботиться о том, чтобы новую экспедицию такая участь не постигла. Максим поздоровался с коллегами и принялся озираться вокруг, надеясь увидеть иностранцев. Но пока их не было поблизости.

– Садись, Максим, до начала ещё двадцать минут, сейчас подойдут наши иностранные коллеги, – произнёс Константин, сразу угадав, кого Максим ищет. Максим кивнул и сел.

– А вроде бы вторая экспедиция должна закончиться чуть попозже? – вдруг ни с того, ни с сего, начал Виктор.

– Что? – переспорил Михаил Петрович.

– Ну, вот смотрите, Михаил Петрович, – начал пояснять Виктор. – Обычно на Европу отправляется новая экспедиция ещё тогда, когда предыдущая находится там. Новая экспедиция садится на Европу, предыдущая передаёт дела и отправляется домой. Так вот, по моим прикидкам, на Европе мы будем через десять дней, а предыдущая смена заканчивается только через две недели. Рановато, выходит, мы к ним.

– Ну, может быть, их решили забрать пораньше, – предположил врач. – А может быть, ты где-то ошибся в расчётах.

– А тебе всё по-прежнему мерещатся тайны да интриги? – с насмешкой произнёс Константин.

– Говорю я вам – не были американцы на Луне! – завёл свою любимую тему Виктор. – Куда им до Луны, они и сейчас-то в космос только на наших ракетах летают!

– Были, не были, какая сейчас-то разница? – спросил Константин.

– Вопрос государственного престижа, – буркнул в ответ Виктор.

– Сейчас что ли престижа тебе мало? Мне кажется, мы однозначно показали всему миру, кто самая первая и единственная держава в деле освоения Солнечной системы, – отметил Константин.

– Ай, чего с вами разговаривать вообще, – Виктор махнул рукой. Максим наблюдал за этой быстротечной полемикой молча. Ничего не изменилось с тех пор, как они были в Антарктике. Словно и не расставались они почти на целый год. Хотя на самом-то деле каждый из них вернулся к своей обычной жизни, полной и прорывов, и разочарований, но сейчас всё это уже было не важно. Сейчас они вновь были командой, командой, которой в скором времени предстоит представлять всю человеческую цивилизацию на окраине Солнечной системы.

Через некоторое время за кафедру вышел руководитель Центра и принялся зачитывать свою торжественную речь. Максим обернулся по сторонам, желая увидеть иностранных членов экспедиции, но их не было поблизости.

– Человечество давно мечтало о звёздах, – говорил руководитель. – Каждую ночь глядя в небо, люди размышляли о тех временах, когда мы сможем отправиться туда. Но звёзды и планеты, столь хорошо видимые с Земли, тысячелетиями оставались для нас недоступными. Но мечта не покидала нас. И вот, двенадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года, наша страна, Советский Союз, совершила небывалый прорыв: первый в истории человек оказался за пределами Земли. Звёзды стали гораздо ближе. Но мечта всё ещё не достигнута. Для того чтобы по-настоящему отправиться к другим звёздам, нам надо хорошо освоиться в пределах нашей Солнечной системы. Долгое время мы изучали её лишь автоматическими аппаратами, собирая важную информацию об условиях на других небесных телах.

И вот настали те времена, когда мы уже были готовы отправить туда, на другие планеты, на их спутники, постоянные экспедиции. Космос для человека, провозгласила партия. Нет никакого смысла в том, чтобы смотреть на богатства космоса исключительно через видеоэкраны. Всё это мы должны видеть собственными глазами. И сейчас мы имеем постоянные поселения на Луне и на Марсе, действующие исследовательские базы на Венере и на Европе. Именно Европе и героям её исследования посвящено сегодняшнее собрание. Как вы знаете, на Европе мы ищем не металлы, не углеводороды, не гелий-3. Мы ищем там самое большое богатство и самую большую редкость во Вселенной. Мы ищем там жизнь. И именно поэтому туда отправляются только лучшие из лучших. Я не буду сейчас говорить о том, что будет означать для нас обнаружение живых организмов на Европе. Вы все прекрасно понимаете, что это значит для всей человеческой цивилизации. Но есть у Европы ещё и другое значение. Это наши ворота в дальний космос, наш форпост на пути к тем самым звёздам, о которых я говорил в начале своей речи. Мы шли к этому очень долго. Сейчас, в полётах к Европе, мы отработываем те трудности, которые встретятся нам на пути из Солнечной системы. А сейчас позвольте мне представить вам нашу славную команду исследователей других миров!

Константин дал знак, команда поднялась и проследовала за ним на сцену. Максим увидел, что к ним приближаются с другой стороны ещё двое: постоянно улыбающийся мужчина и пожилой азиат. «А вот и наши заграничные коллеги», – подумал Максим. – «Только не староват ли японец для таких полётов?»

– Константин Арсеньевич Тихонов, глава экспедиции! – объявил руководитель центра, когда все оказались на сцене. – Михаил Петрович Харитонов, врач экспедиции! Виктор Всеволодович Ларин, инженер! Максим Васильевич Касимов, связист экспедиции! Джон Райт, полярник с многолетним стажем из США! Доктор Итиро Симада, морской биолог из Японии!

Вся команда, все шесть человек, буквально утонули в море аплодисментов. Когда аплодисменты поутихли, начальник центра призвал собравшихся журналистов задавать вопросы членам экспедиции. И самый первый вопрос оказался задан японцу.

– Доктор Симада, что побудило вас, почтенного доктора биологических наук, отправиться на Европу? Ведь сейчас там нет подходящего занятия для морского биолога.

– Занятие найдётся всегда и для каждого, – размеренно ответил японец. К удивлению Максима, он говорил по-русски весьма сносно, хоть и с сильным акцентом. – Как вы знаете, на Европе действуют криовулканы, в выбросах которых мы можем найти среды микроскопической жизни. Скорее всего, эта жизнь будет сходна с той, которая обитает в земных океанах. Именно в исследовании этих микроорганизмов, если они найдутся, и будет состоять смысл моего пребывания на Европе.

Следующий вопрос был задан американцу:

– Мистер Райт, в чём вы видите отличия вашей обычной зимовки в Антарктике и пребывания на Европе? Что для вас будет самой большой трудностью?

– На Европе потруднее достать выпивку, но мы будем стараться, – с улыбкой ответил Райт. По залу прокатился смех.

– Константин Арсеньевич, на вас лежит большая ответственность, – раздался из зала ещё один вопрос. – Вы будете за сотни тысяч километров от Земли. Не боитесь ли вы каких-либо чрезвычайных ситуаций?

– Мы собрали самую лучшую команду из возможных, – ответил Константин. – Каждый из нас – профессионал своего дела. Я уверен в том, что общими усилиями мы сможем справиться с любыми трудностями.

– А вы ожидаете каких-то трудностей? – ухватившись за ответ Константина, тут же спросил журналист.

– Конечно, ожидаю, – ответил глава экспедиции. – Полёт на Европу, исследование Европы – это очень сложные задачи. Трудности там будут буквально на каждом шагу. Но наша

команда трудностей не боится. Мы готовы выполнять те задачи, которые ставит перед нами страна и всё человечество!

Этот ответ понравился залу. Под бурные аплодисменты команда покинула сцену. Им сообщили, что сейчас их отвезут в гостиницу, а оттуда через два дня они отправятся на космодром. Максиму уже не терпелось поскорее отправиться в космос, но он понимал, что другие-то члены команды не так часто бывают в Ленинграде, а потому имеют право на пару дней для того, чтобы посмотреть на красоты этого великолепного города. Тем более, сейчас, когда выдалась хорошая погода.

Максим всё гадал, соберёт ли всех вместе Константин, чтобы рассказать, что произошло на Европе с предыдущей сменой. Ему самому хотелось обсудить с главой экспедиции всё то, что он знает, чтобы уже сейчас постараться подготовиться к тому, что может ждать их на ледяном спутнике Юпитера. Но, скорее всего, эту информацию нельзя было сейчас разглашать, поэтому Максим ждал напрасно. Но нельзя сказать, что ему при том нечем было заняться. Какое-то время он выступал в качестве гида по Ленинграду у своих товарищей по команде. Иностранцы при этом либо гуляли где-то обособленно, либо вообще не гуляли. На самом деле, где они и что делают, Максим даже и не знал.

В один из дней Максима снова вызвали в Контору. Василий Фёдорович решил перед отправкой в последний раз проинструктировать своего подчинённого. Что ж, это было весьма разумно, учитывая, что связь с Европой будет нерегулярной, и, весьма вероятно, нестабильной.

На этот раз начальник выглядел гораздо более спокойным, чем в прошлый раз. Собственно, всё самое страшное уже успело случиться, и теперь оставалась обычная рутина. Расследовать произошедшее и не допустить того, чтобы это случилось снова.

– Максим, приветствую, – начал Василий Фёдорович после того, как Максим поздоровался. – Ты уже познакомился с командой, что можешь сказать?

– Очень удивлён тому, что в экспедицию взяли пожилого японца, – отметил Максим.

– Почему же? – спросил начальник.

– Полёт в космос сопряжён с определёнными нагрузками на организм, не уверен, что в его возрасте их легко будет перенести. Да и плюс к этому, его специализация – морская биология. Не уверен, что сейчас морскому биологу будет, чем заняться на Европе.

– Доктор Симада весьма крепок для своих лет, за его самочувствие в экспедиции ты можешь не беспокоиться. Ну а морской биолог нужен для того, чтобы изучать выбросы криовулканов. Раньше мы думали прямо докопаться до подлёдного океана на Европе, но поиски жизни можно начать и раньше. Главное, решить, как добраться до этих криовулканов.

– Мне стоит приглядывать за ним? – спросил Максим, помня о том, что начальник настаивал на версии наличия диверсанта в предыдущей европейской экспедиции.

– Приглядывать надо за всеми. Но помни, что твоя задача – расследование, а не публичное изобличение вредителей. Да и скорее всего, если диверсант и вправду был, он оказался бы членом советской части команды. Иностранцы в любом случае проходили инструктаж своих разведок, но на диверсии они бы не отважились. Слишком велика вероятность раскрытия, слишком велик риск грандиозного международного скандала.

– А вы думаете, что в нашей команде тоже может оказаться диверсант? Разве всех её членов не проверили самым тщательным образом после того, что произошло на Европе?

– Максим, всех проверяют неоднократно перед отправкой. Но если пропустили в прошлый раз, где гарантия, что не пропустим в этот? И ещё раз напомню, тебя всё же отправляют для расследования, а не для борьбы с диверсантами.

– Что же мне делать, если точно будет установлено, что среди нас есть диверсант?

– Его надо будет изолировать на время экспедиции. Для Земли объявим, что он подхватил ещё здесь какую-то заразу, которую в условиях Европы вылечить нельзя, а потому помещён в карантин.

– А такой карантин на Европе есть? – удивился Максим.

– Конечно, есть, Максим, – с улыбкой ответил Василий Фёдорович. – Нельзя не предусмотреть возможности выборочной изоляции нескольких членов экспедиции по той или иной причине. И ещё один важный момент. Если диверсант будет обнаружен, его необходимо будет взять живым. Убийства на Европе строжайше запрещены! Нам всем обещают трибунал, если кто-то будет там убит. Допрашивать диверсанта тоже запрещено. Задача: обнаружить, изолировать, доставить на Землю.

– А как мы сможем доставить его на Землю из карантина?

– На этот случай карантинный отсек можно присоединить непосредственно к кораблю. Видишь ли, когда станция проектировалась, были рассмотрены разные варианты. В том числе и такие, что на Европе могут оказаться местные микроорганизмы, опасные для людей. И в случае заражения человек должен был быть доставлен на Землю без контакта с остальными членами экипажа.

– Ясно, – Максим кивнул. – Я этого не знал.

– Не всё мы разглашаем. Всё-таки говорить людям о том, что мы подразумеваем на Европе наличие какой-то биологической опасности, значит преждевременно сеять панику. Люди же не станут думать о том, что в экспедиции должно быть предусмотрено абсолютно всё, и воспримут подобные известия как намёк на то, что власти что-то знают, но скрывают.

– Я так понимаю, что при обнаружении диверсанта мне необходимо будет подать сигнал биологической опасности?

– Нет, – сообщил начальник. – Более подробные коды сигналов мы передадим тебе позднее.

– Есть специальный сигнал для диверсанта?

– Специальный сигнал есть даже для нашествия марсиан, – ответил Василий Фёдорович, и Максим даже не понял, шутит начальник или же говорит совершенно серьёзно.

– Хорошо. С сигналами понятно. Мне хотелось бы побольше узнать, с кем мне предстоит отправиться в космос. Кто из них с наибольшей вероятностью может оказаться диверсантом?

– Ты думаешь, Максим, мы тебе можем дать математическую выкладку, за кем наблюдать в первую очередь? – начальник усмехнулся. – Если бы у нас была такая выкладка, мы бы решили все проблемы ещё здесь, на Земле.

– Я не об этом, – Максим смутился, подумав, что теперь начальник считает его лентяем, не желающим думать самостоятельно. – Я имею в виду – может быть, есть какие-то факты, которые заставляют нас особо выделять отдельных членов экспедиции?

– Как я уже и говорил, всех тщательно проверили, – напомнил Василий Фёдорович.

– Тогда я хотел бы побольше узнать об иностранцах. Почему выбрали именно их, почему они так хорошо разговаривают по-русски?

– Ну, Максим, в твоём же вопросе содержится и ответ. Выбрали их как раз потому, что они хорошо знают русский язык. А знают они его хорошо потому, что уже давно принимают участие в совместных научных программах. Американец зимовал на «Востоке» в Антарктиде, а японец сотрудничал с ТИНРО и даже ходил в исследовательские экспедиции на «Келдыше». За ними обоими тоже давно наблюдают, причин подозревать их в какой-то злонамеренности у нас нет.

– Но вы же вот совсем недавно сказали, что они наверняка шпионы!

– Не то, что шпионы, но связаны с разведкой своих стран. Вообще-то шпионы, Максим, нам не опасны. Всё равно они не в силах повторить наши космические технологии. Пусть смотрят, что там у нас есть – мы ни от кого ничего не скрываем. Наоборот, наша задача всем показать, насколько продвинулась социалистическая наука. А вот если наши гости вздумают заниматься вредительством... Ну тут уже совсем другая история.

– Хорошо, я понял. А что, если дело вовсе не в том, что на Европе оказался диверсант? Да ещё и диверсант-самоубийца? Что, если мы там столкнёмся с чем-то, что выходит за рамки наших представлений о Европе?

– Напекаешь на наличие внеземного разума? – Василий Фёдорович кивнул. – Такой вариант тоже рассматривался. Но сразу скажу, я в это не верю. Если есть два объяснения одному и тому же событию, причём одно из них выглядит вполне правдоподобным, а второе чисто гипотетическое, то надо выбрать первое.

– Согласен, бритва Оккама. Но ведь раньше бритва Оккама заставила бы нас считать, что болезни вызваны карой божьей, а теперь-то мы знаем, что во всём виноваты микроорганизмы.

– Да, Максим, ты тут прав. Но я сужу по тому, что мы обследовали уже всю Солнечную систему, но так и не нашли никаких следов инопланетян.

– А если они настолько развиты, что мы просто не в состоянии понять, что обнаружили их следы? – предположил Максим.

– Настолько развитая цивилизация должна была бы выйти с нами на контакт. Я уже не говорю о том, что она вряд ли нуждалась бы в том, чтобы убивать наших космонавтов.

– А что, если это сделали аборигены Европы? Вдруг у них там, подо льдом, есть своя цивилизация, и они выходят иногда наружу в скафандрах, как мы выходим в космос?

– Максим, мне кажется, ты зафантазировался, – Василий Фёдорович покачал головой. – Никаких следов активности живых существ на поверхности Европы мы не обнаружили. Если бы там и вправду обнаружилась технически развитая цивилизация, она дала бы о себе знать. Вспомни, например, что первое сделали мы, как только достигли космоса? Запустили спутник с радиопередатчиком. И с тех пор следы нашего присутствия за пределами Земли только увеличиваются.

Максим кивнул. В доводах начальника был смысл. Но в то же время Максима учили прорабатывать все вопросы, даже самые маловероятные. Поэтому он предложил следующую идею:

– А если мы имеем дело с каким-то естественным процессом?

– Ты думаешь, существует какое-то природное воздействие на Европе, которое и привело к печальному итогу? Что ж, это более вероятно, чем злая инопланетная воля. Но в то же время за всё время наблюдения за Европой мы не обнаружили ничего, что могло бы угрожать человеку. Кроме небывалого холода и сильнейшей радиации. Но от них-то мы нашли способ защититься.

– Василий Фёдорович, я не верю в версию с диверсантом, – прямо признался Максим. – Слишком уж это безумно выглядит, что бы мы тут с вами не говорили и к каким бы выводам не приходили.

– Ну что ж, расследование – твоя прерогатива. Ты отправишься на место и сможешь собрать улики, которые в конечном итоге и позволят понять, что же там произошло. Не отменяй ни одну из своих идей. Я не говорю, что они неправильные. Я лишь говорю о том, что среди всех перечисленных нами вариантов только один выглядит хоть в какой-то степени правдоподобно. И этот вариант завязан на наличие диверсанта.

– Ясно. Я всё понял. Если вы не возражаете, я пойду собираться к отъезду.

– Нет, Максим, не возражаю, мы уже всё с тобой обсудили. Иди.

Максим встал, попрощался, так как он знал, что очень нескоро вновь увидит Василия Фёдоровича, и вышел из кабинета.

3. Байконур

Через пару дней команде выделили отдельный самолёт и полным составом отправили на Байконур. Максим всё ждал, что Константин соберёт их вместе и объявит, с чем им придётся столкнуться на Европе. Но то ли он был достаточно дисциплинирован, чтоб этого не делать, то ли он сам и не знал всей правды. Да, Максим вполне мог допустить и ту мысль, что начальнику экспедиции рассказали далеко не всё, а Василий Фёдорович сообщил Максиму недостоверную информацию. Работая в Конторе, нужно было готовиться к любым неожиданностям.

В самолёте Максиму досталось место рядом с Виктором. Константин сел с Джоном, а Михаил Петрович – с доктором Симадой. Оценив такую картину, уже после взлёта Виктор ткнул Максима локтём в бок и с заговорщической улыбкой в полголоса произнёс:

– Смотри-ка как, к иностранцам сразу приставили наблюдателей!

Виктор, скорее всего, был прав, но Максим на словах не стал с ним соглашаться. Виктор был известен своим патриотизмом, граничащим порой с фанатизмом, и Максим не собирался поощрять такие чувства. Поэтому он сдержанно ответил:

– Да просто люди сели с теми, с кем им интересно общаться. Константин и Джон – оба полярники, наш медик и доктор Симада, можно сказать, оба биологи. Ну и мы с тобой – инженеры.

– Ага, прям по кастам все разделились, – кивнул Виктор. Максим только покачал головой. Конечно, у Виктора хватало ума, чтобы не говорить таких вещей в полный голос, но, тем не менее, он ходил по самому краю. Кто мог бы сразу сказать, к чему приведут такие его слова? Открытый конфликт вряд ли был бы возможен в экспедиции, но разве лучше глухое недовольство?

Внезапно Максиму подумалось, что на Европу специально отправляют таких разных по характеру и роду деятельности людей, чтобы провести некоторый эксперимент, выявить особенности взаимодействия в малых изолированных группах. Максим улыбнулся, вспомнив, что поиск разнообразных заговоров в их команде – это всё-таки прерогатива Виктора.

– А ты слышал, как иностранцы-то по-русски разговаривают? Вот сто пудов уверен, шпионы! – поведал Виктор.

– Ну и пусть, – согласился Максим. – Но почему ты думаешь, что они не наши шпионы?

Виктор призадумался. Похоже, такая интересная мысль до сих пор не приходила ему в голову. Что ж, если Максим всё сделал правильно, то Виктор, по крайней мере, в ближайшее время, должен будет всячески показывать своё уважение иностранцам.

– Видишь, даже и русский не поленились выучить, потому что любят Советский Союз, – ещё подлил масла в огонь Максим.

– Хм, а может быть, – Виктор задумчиво потёр подбородок. Всё, Максим добился своего, Виктор погрузился в размышления, а потому можно было быть уверенным в том, что на какое-то время он замолчит.

Пошли самые тяжкие часы, когда особо делать уже нечего, только ожидать отправки в космос. Чтобы хоть как-то скоротать время, Максим решил лучше познакомиться с новыми членами экспедиции. Оставив Виктора размышлять, Максим отправился к Михаилу Петровичу и японцу. Те о чём-то разговаривали, но Максим не стал скромничать и прямо попросил разрешения присоединиться к этой беседе. Никто не стал возражать.

– Доктор Симада, а вы раньше летали в космос? – спросил Максим.

– Нет, никогда, – ответил японец. – Но очень хочу. Я очень рад, что эта честь выпала именно мне.

– Я однажды летал на Луну, – сообщил Максим. – Но дальние перелёты пока и мне не доводилось делать.

- Должно быть, космический полёт очень интересен, – предположил доктор Симада.
- Да, интересен, но я думаю, что скоро он станет для нас такой же обыденностью, как и полёт на самолёте, – предположил Максим.
- Говори за себя, Максим, – произнёс Михаил Петрович. – Даже в наше время очень много людей, которые боятся или не любят летать.
- Не будем брать крайности, – ответил Максим.
- Эх, Максим, ничего-то ты не понимаешь, – вздохнул Михаил Петрович. – Медицина как раз и имеет дело с крайностями.
- Каждый смотрит со своей стороны, – философично заметил японец.
- Да, действительно так, – согласился Максим. – Доктор Симада, я не могу не восхититься вашими знаниями русского языка. Где вы так хорошо изучили его?
- Я давно сотрудничаю с Советским Союзом в области исследований морских организмов, – ответил доктор Симада, и пока его ответ соответствовал тому, что знал Максим. – Сейчас ведь не так много стран, которые действительно занимаются наукой. Даже в моей родной Японии на исследования выделяют лишь жалкие гроши. А ещё я всегда хотел оказаться в космосе. И если на Земле главный язык – английский, то в космосе это русский.
- Понятно, – произнёс Максим и улыбнулся. Такие слова слышать от японца было, конечно же, лестно, но Максим понимал, что таким образом японец может и попросту втираться к нему в доверие. В общении с азиатами никогда не поймёшь, что у них действительно на уме. Так или иначе, Максим продолжил свой небольшой допрос:
- Доктор Симада, а как же так получилось, что вы, морской биолог, мечтали именно о космосе?
- Биология – работа, космос – мечта. У вас есть мечта, Максим? Я рад, что моя мечта смогла воплотиться в моей работе.
- Да, и моя мечта – космос, – поделился Максим.
- Вам очень повезло, что вы родились в такой стране и в такое время, – продолжал японец. – Миллионы людей по всему миру мечтают о том, чтобы побывать в космосе, но при этом у них часто нет даже куска хлеба на завтрашний день.
- Как только у человека появляется в руках кусок хлеба потолще, да ещё если и с икрой, он сразу перестаёт мечтать о космосе, – скептически заметил Михаил Петрович. – Все великие первопроходцы были людьми голодными. Этот голод и гнал их вперёд, на неизведанные земли в поисках лучшего мира. Разве не то же самое и мы сейчас ищем в космосе?
- Лучший мир? – уточнил Максим.
- Да, именно его, – Михаил Петрович кивнул.
- Как биолог, скажу, что любой вид должен развиваться, или сначала впадёт в застой, а потом погибнет, – поделился своими наблюдениями доктор Симада. – Такое развитие для человека – превращение из простого земного человека в космического. У вас в стране это хорошо понимают, и поэтому даже говорят – космос для человека.
- «Он всё продолжает петь дифирамбы СССР», – подумал Максим. – «Очень странно для иностранца, более чем».
- Интересная точка зрения, – похвалил Михаил Петрович. – Изучая материалы предыдущих инопланетных экспедиций, я должен сказать, что пребывание на них действительно меняет физиологию людей. Хотя и обратимо, и скорее отрицательно. Люди слишком привязаны к своей родной планете.
- Естественный отбор сделал бы своё дело, – предположил японец.
- Полагаться на естественный отбор мы не можем, – возразил Михаил Петрович. – Это и не по-человечески, и очень долго. Нам надо будет изобретать собственные способы изменения человека. Тут, мы, кстати, встаём перед серьёзной проблемой: надо менять людей биоло-

гически или технически? Или же вообще не менять, но тогда на других планетах люди будут вечно обречены пребывать в скафандрах.

– Биологический путь надёжнее, поскольку позволяет выживать без внешней поддержки, – высказал своё мнение доктор Симада.

– Но в этом случае наши поселенцы на других планетах станут некомфортно чувствовать себя на Земле, – произнёс Михаил Петрович.

– Коллеги, мне кажется, это пустой спор, – заметил Максим. – Всё равно мы пока не обнаружили ни одной планеты, на которой в принципе была бы возможна сложная многоклеточная жизнь. Поэтому без технических средств человек не выживет ни на Марсе, ни на Венере, ни на Европе.

– Поэтому я и считаю, что человечество должно изменять себя технически, – продолжал настаивать Михаил Петрович. – Мы должны объединить живое и неживое, человека и машину. Такой биомеханический организм сможет выжить и в крайне разреженной атмосфере, и при низкой, и при высокой гравитации, и ему нипочём будет радиация.

– Да вы фантазёр, Михаил Петрович! – заключил Максим, хотя идея медика ему и понравилась.

– Нет, почему же, – возразил Михаил Петрович. – Уже давно никого не удивишь искусственным сердцем, искусственным ухом, учёные напрямую приблизились к тому, чтобы сделать искусственный глаз. Недалёк и тот день, когда мы сможем полностью менять кровеносную систему человека. А отсюда открываются прекрасные перспективы для того, чтобы приспособить человека под химические условия других планет.

– Но такие изменения не могут быть самоподдерживающимися, – вновь напомнил доктор Симада. – Для таких людей потребуются станции техобслуживания, как для современных автомобилей.

– А что же, поликлиники и больницы, разве это не те же самые техобслуживания для людей? – привёл аргумент Михаил Петрович.

– Но биологические организмы могут выжить без них, а биотехнические не смогут, – продолжал настаивать на своём японец. – Если вдруг случится какая-то катастрофа на другой планете и связь с Землёй будет утеряна, биотехническая колония не выживет.

– А мы не будем терять связь с Землёй, – парировал медик. – Мы идём в космос всерьёз и надолго! Согласен, биологические организмы более устойчивы и могут самовоспроизводиться, но биотехнические организмы лучше поддаются настройке, диагностике и восстановлению. Так что именно за этим будущее.

– Михаил Петрович, странно такие слова слышать от вас, я бы скорее был готов услышать подобное от Виктора, – признался Максим.

– Нет, узкие технари узко мыслят, – махнул рукой Михаил Петрович. – А тут нужна широта кругозора.

– А было бы неплохо прогуляться по Европе безо всякого скафандра, разогреваемым изнутри жаром атомного реактора, – пошутил Максим.

– Только кислородную маску не забудь – дышать-то тебе всё равно придётся! – Михаил Петрович засмеялся. Следом за ним засмеялся и доктор Симада.

– Ну, раз уж вы с атомным реактором, то можно и долететь до Европы без ракеты! – добавил японец, чем рассмешил Максима, представившего такую картину.

– А вот, кстати, будут ли ваши биотехнические создания понимать юмор, Михаил Петрович? – вдруг спросил доктор Симада.

– Конечно, будут, почему нет? – ответил медик. – Они ведь в первую очередь биологические организмы, лишь с некоторыми техническими дополнениями.

– Но не будет ли соблазна улучшить дополнениями базовые функции психики? – раздался следующий вопрос японца. Разговор уходил куда-то в сферу философии, и Максим решил покинуть пока собеседников, чтобы поговорить с Константином и Джоном.

Едва он подошёл к ним, как Константин взглянул на него и спросил:

– Ну что там двое наших любителей философии? Опять завели какой-нибудь спор?

– Да, и боюсь, что я тому виной.

– Да нет, они бы и сами нашли повод затеять спор. Встретились просто два любителя поговорить. И это они ещё до спирта Петровича не добрались!

– А у него есть спирт? – вдруг оживился американец.

– У хорошего врача всегда с собой есть спирт, – поведаль Константин. – А Петрович у нас – очень хороший врач.

– Пойду-ка... – начал было подниматься американец, но Константин быстро осадил его.

– Сиди пока. А то тебе предстоит принять участие в самом страшном споре, какой только можно представить: сочетание самоуверенности советского врача и азиатской иносказательности.

– Ничего не понял, – честно признался американец.

– Я об этом и говорю – ничего не поймёшь ты в их беседе, – заверил Константин.

– Я вообще-то по другому поводу подошёл, – заметил Максим.

– Да ты видишь, как эти двое умудрились перевести наше общение на их обсуждение? опасные люди, однако ж! – Константин улыбнулся. – Так ты о чём подошёл поговорить? Волнуешься перед отправкой?

– Более чем, – ответил Максим, подумав, что учитывая судьбу предыдущей экспедиции, он волнуется десятикратно сильнее, чем следовало бы.

– Ты же уже был в космосе, летал на Луну, – вспомнил Константин.

– Да, точно, – подтвердил Максим.

– Так чего же волнуешься? – спросил Константин.

– Европа всё же куда дальше, чем Луна, и людей там кроме нас не будет. И если что-то случится, помощи ждать неоткуда, – честно признался в своих страхах Максим.

– Я уверен, что когда-то точно так же думали и те, кто строил поселение на Луне, – произнёс Константин. – Но смотри, сейчас Циолковский построен, действует лунный космодром, и ничего страшного ни с кем из тех, кто осваивал Луну, не случилось.

– Да в принципе, чем эта Европа от Луны отличается? – вставил Джон. – По большому счёту, если что-то там случится, то хоть на Луне, хоть на Европе, никто с Земли не успеет прийти на помощь. Это как в Антарктике. Тоже пока до вас доберутся... Все успеют превратиться в куски льда. Хотя Земля. Так что не переживай, ничего необычного.

Максим улыбнулся и ответил:

– Теперь я понимаю, почему на Европу отправляют именно полярников. У вас, товарищи, потрясающий оптимизм.

– Темно там будет, – заметил Джон. – А в остальном обычная зимовка.

– А если вдруг из подо льда повылазят местные аборигены, что делать будем? – спросил Максим.

– Да известно, что. Спирт у нас есть, контакт быстро наладим, – ответил американец с улыбкой. – Мы вон и с Константином, помнится, так же контакт налаживали в своё время.

– Ладно тебе, контактёр, – оборвал его глава экспедиции. – Не надо тут мой моральный облик принижать перед командой.

– Да какой моральный облик, мы что, политики что ли? Обычные полярники, – возразил американец.

– Не знаю, как у вас в США, а вот у нас в СССР обычных полярников не бывает, – сообщил Константин. – Каждый полярник – герой, отважившийся выступить против стихии.

Американец вздохнул.

– Есть в вас, ребята, какая-то эта наивность и романтичность. Везёт вам, что вы верите в то, что делаете что-то великое. А у нас это всё уже давно простая работа, способ заработать денег, – высказался он.

– Сейчас ты в составе советской экспедиции летишь делать великие дела для всего человечества, – напомнил Константин. – Не забывай об этом.

Джон молча кивнул. Максим посмотрел на него, прежде чем уйти, пытаясь прикинуть, может ли американец оказаться диверсантом. Конечно, тут перед Максимом он разыгрывал роль циника, которого ничто в этой жизни уже не вдохновляет. И опять речи про то, какой хороший Советский Союз. К такого рода похвале Максим всегда относился настороженно. Наверное, потому, что не мог представить себе, чтобы он сам искренне хвалил США или ту же Японию. Ну а с другой стороны, может быть, действительно в экспедицию специально отбирали тех иностранцев, кто испытывает симпатию к СССР.

Максим вернулся на своё место, где и просидел уже до самого прибытия на Байконур. Виктор задавал какие-то вопросы, Максим что-то отвечал, но ничего из этого не было достойно пристального внимания.

После приземления самолёта, едва экспедиция сошла с трапа, как у них сразу же начали проверять документы. Это довольно сильно удивило Максима.

– А зачем у нас-то проверять документы?

– А вдруг ты шпион, – шутливо произнёс Джон и подмигнул Максиму.

– Порядок есть порядок, он один для всех, – сообщил Константин. Максим кивнул. После проверки документов их посадили в автомобиль и отвезли в гостиницу для временного пребывания. Объектов самого космодрома отсюда почти и не было видно – город как город. А с другой стороны, для обслуживания первого космопорта человечества понадобился целый город.

– Мы прямо сегодня стартуем? – спросил доктор Симада.

– Нет, стартуем завтра, – ответил Константин. – Сегодня есть время немного отдохнуть и настроиться на полёт.

– Признаться честно, я волнуюсь. Всё-таки в моём возрасте люди уже не летают в космос, – поделился своими переживаниями японец.

– Не беспокойтесь, Итиро, – успокоил его Михаил Петрович. – Современная техника сделала безопасными космические перелёты и для пожилых людей. Космос для человека, вы ведь помните?

– Да, я помню, – биолог кивнул.

– Вот и славно, – заключил Михаил Петрович.

Экспедицию расположили в двухместных номерах, и люди расселились теми же парами, какими сидели в самолёте. Виктор обрадованно заметил по этому поводу:

– Ну, Максим, придётся тебе продолжать слушать мою болтовню!

– Что ж, послушаю, – согласился Максим. Он понимал, что Виктору вообще-то будет скучно в этой экспедиции и не с кем общаться, кроме Максима. Константин был слишком сдержан и не стал бы поддерживать провокационные беседы, которые затевал Виктор, Михаил Петрович – в принципе тоже, а к иностранцам Виктор относился с изрядной долей недоверия. Вот и выходило, что на Максима возлагалось бремя быть единственным собеседником Виктора.

Но на самом деле Максима полностью занимали мысли о том, что же случилось на Европе и что может случиться снова. Так что болтовню Виктора он пропускал мимо ушей. Нужно было выспаться перед завтрашним стартом, но сон никак не шёл к Максиму. Едва только он закрывал глаза, как начинали мерещиться то диверсанты с коварным оскалом, режущие трубки воздухопроводов скафандров, то гигантские черви, вылезавшие из трещин во льду и душасшие

людей. Конечно, Максим понимал, что ни первый, ни второй случай в таком виде произойти не мог, и всё гораздо сложнее. Но факт был в том, что уснуть ему никак не удавалось.

Так или иначе, всё должно было решиться примерно через неделю. Сейчас они три дня будут в полёте до Луны, около двадцати четырёх часов пробудут там, а потом отправятся на Европу. Путь туда тоже займёт примерно три дня. Конечно, до Юпитера и его спутников расстояние куда дальше, чем до Луны, но на Луну летают ракеты на старых химических двигателях, а вот на Европу их доставит уже атомный взрыволёт. Причём, поскольку химическая ракета за один раз может доставить только троих, вылетать на Луну экспедиция будет двумя заходами с перерывом в один день.

Максим, конечно, хотел бы оказаться на Европе прямо сейчас. Провести целую неделю в раздумьях – это было бы невыносимо. Но что можно было с этим поделать? Человечество ещё не изобрело способ мгновенного перемещения в пространстве. И может быть, никогда не изобретёт.

Максим завидовал сейчас своим коллегам. Их впереди ждали приключения, а его – тяжёлая работа. Хотя зависть вполне могла быть преждевременной, а впереди их всех ждала только смерть. Максим несколько раз спрашивал себя, зачем ему всё это надо, зачем он отправляется вглубь космоса, если там его не ждёт ничего хорошего. Но какой-то мальчишка в глубине его души говорил ему: «Ты что! Это же космос!», и тогда сомнения Максима отступали. И Константин ведь должен был знать о том, что произошло на Европе. А значит, вполне мог предотвратить печальное развитие событий. Не исключено даже, что Константин знал больше, ведь в его задачи входило обеспечить выживание команды в любых условиях.

Максим не заметил, как уснул. Утром он проснулся уже в гораздо лучшем расположении духа, и даже речи незамолкающего Виктора теперь звучали лучше. Едва они успели позавтракать, как их сразу потащили на медосмотр.

– Пережитки прошлого, – проворчал Виктор.

– Ты же уже был на Луне? – уточнил Максим.

– Да, кто ж не был в Циолковском?

– Ну, на самом деле, многие не были. Ты просто видно общаешься с такими людьми, кто связан с космосом.

– Ну да, – кивнул Виктор.

В медпункте они встретились и с остальными членами команды. Все выглядели веселыми, предвкушая скорый космический полёт. А Максим думал о том, что теперь ближайшие три дня ему предстоит пробыть в невесомости, не чувствуя твёрдой поверхности под ногами. Словно почувствовав мысли Максима, доктор Симада спросил:

– На что похожа невесомость?

– На плавание в бассейне, только куда легче, – ответил Виктор.

– Это мне знакомо, – кивнул доктор Симада.

– Но неужели вы не проходили тренировку в бассейне по отработке работы в невесомости, раз задаёте такие вопросы? – удивился Виктор.

– Нет, – признался японец.

– Эту тренировку проходят те, кому придётся работать в открытом космосе, – пояснил Максим. – Для планетарных экспедиций эта тренировка не нужна.

– А, вот оно что, – произнёс Виктор. – А я проходил.

– Так ты инженер, тебе положено, – сказал Максим.

После медкомиссии экспедиции отпустили отдохнуть, набираться сил перед полётом. Первая тройка должна была стартовать завтра. Как объявили ближе к середине дня, в неё вошли Джон, Максим и Виктор.

На следующее утро, вновь пройдя медосмотр, Максим влез в заранее подогнанный по его фигуре скафандр. Мерки с него периодически снимали на протяжении всего времени, как

он был включён в программу исследования Европы. На самом деле, никто не знал, когда же именно Максим полетит на Европу, но нужно было быть готовым к тому, что полететь придётся буквально завтра.

Хотя полететь сегодня должны были только трое, к ракете вышли все шестеро. Такова уж была традиция отправки европейских экспедиций: перед вылетом первой тройки вся команда позировала журналистам на фоне ракеты. Среди одинаковых советских наддутых скафандров резко выделялся американец, щеголяющий в скафандре фирмы «Космикс» в «облипочку», или, как его официально называли, обжимном скафандре. Споры не было, такой скафандр выглядел весьма стильно по сравнению с советскими, но Максим-то знал, что всё самое лучшее у этого скафандра – снаружи, тогда как у советских – внутри. Тем не менее, во время традиционной фотосессии незадолго до старта, всё внимание было обращено как раз на американца, который улыбался во все тридцать два зуба, махал рукой и что-то кричал собравшимся журналистам. Но вот провода закончились, журналисты быстро удалились со стартовой площадки, а Максим и двое его коллег по экспедиции погрузились в ракету. До старта оставалось уже не так много времени. Когда будущие европолярники уселись в корабль и когда все люки были задраены, Виктор неожиданно спросил, обращаясь к Джону:

– И сколько же тебе платит «Космикс» за рекламу их скафандра?

– Я бы соврал, если бы попытался сделать вид, что это бескорыстно, – признался Джон.

– У тебя бы и не получилось, – заметил Виктор. На какое-то время воцарилась тишина.

А потом Виктор вдруг снова спросил американца:

– А что ты будешь делать, если у тебя вдруг что-нибудь зачесется под скафандром?

– А ты что будешь делать? – растерянно ответил вопросом на вопрос Джон.

– Найду какой-нибудь прутик да просуну его через горловину скафандра, чтобы почесаться, – с улыбкой ответил Виктор. – А вот ты так со своим модным облегающим скафандром не сделаешь.

Джон ничего не ответил, а просто скривился. Тем временем пошёл обратный отсчёт. Примерно на его середине американец простонал:

– Проклятье на твою голову, и вправду зачесалось!

Виктор только молча улыбнулся.

А снаружи всё выглядело точно так, как было уже сотни раз до этого. Ударив мощной огненной струёй в стартовый бетонный стол, со страшным рёвом ракета взмыла в воздух. Впереди Максима и его товарищей ждала Луна – каждый день видимая в небе, но всё же столь далёкая.

4. Луна

Спускаемый аппарат мягко приземлился в нескольких десятках километров от лунного города на специальной посадочной площадке. Околоземное пространство вплоть до Луны было уже достаточно хорошо обжито человечеством, поэтому в момент приземления не могло произойти никаких неожиданностей. Самой опасной стадией полёта к Луне был именно страт с Земли. Вскоре после того, как посадочный модуль коснулся поверхности Луны, Максиму и двоим его спутникам помогли выбраться на поверхность работники посадочной площадки. Джон сразу же посмотрел на термометр, укрепленный в рукаве скафандра, и произнёс:

– Так, минус пятьдесят. Совсем как в Антарктиде. Может, здесь уже и останемся, ну её, эту Европу?

– Да уж, вы, американцы, Европу вообще не больно-то любите, – ехидно заметил Виктор. Джон только покачал головой. Работники посадочной площадки отвели будущих европоляриков к автоматизированному магнитно-левитационному лунному экспрессу, который и должен был доставить их в Циолковский. Джон сразу понял, что перед ним такое, и спросил:

– Это ведь маглев, да?

– Да, – ответил Виктор. – У вас в Штатах, поди, такого нет!

– У вас в СССР тоже нет, – огрызнулся Джон. – Какую скорость развивает этот транспорт?

– Около пятисот километров в час, – ответил Виктор. – До Циолковского доберёмся в считанные минуты.

– Жаль, мне хотелось бы побольше посмотреть на лунные пейзажи в дороге, – произнёс американец. Максим оглянулся вокруг. С его точки зрения, горькая правда космических путешествий состояла в том, что на других планетах не на что смотреть. Особенно во второй раз. Что Луна, что Марс – безжизненная пустыня, насколько хватает глаз. Архитектура человеческих поселений на других небесных телах не блещет красотой или изяществом и интересна только с точки зрения торжества человеческого духа. Но всё это лишь на первый раз.

Лунный экспресс понёс их в сторону города, за окнами мелькали кратеры, и только Земля, большая, величественная и перевёрнутая вверх ногами, да Солнце, которое здесь светило почти постоянно, казалось, совсем не сдвигаются в небе. Когда экспресс достиг поля солнечных электростанций, подобно подсолнухам развернутым навстречу солнечному свету, Максим понял, что они почти приехали. И действительно, экспресс начал сбрасывать скорость, и уже очень скоро они вышли на станции, знаменующей собой начало советского лунограда.

Советское лунное поселение, представляющее собой несколько герметичных соединённых между собой модулей, расположилось в южной приполярной области Луны, на горе Малаяперт. Со стороны Циолковский было не так-то просто заметить. Присыпанные для защиты от метеоритов и радиации толстым слоем реголита строения выглядели просто как холмы. Рядом располагалась первая инопланетная обсерватория, уже гораздо более заметная, позади остались поля солнечных электростанций, а ещё через несколько десятков километров, как знал Максим, находилась стартовая площадка атомных взрыволётов. Добраться туда можно было на ещё одном маглев-экспрессе, и простым туристам это место обычно не показывали. Атомные взрыволёты были столь же опасны, сколь и впечатляющи, поэтому из соображений безопасности их предпочли держать подальше от гостей Циолковского.

Максим и его товарищи вошли через герметичный шлюз на территорию Циолковского, и в тот же миг словно бы оказались на Земле. Огромные видеостены, имитирующие окна, показывали красивые земные пейзажи, с потолка по специальным световодам лился яркий солнечный свет. Виктор первым снял шлем и с наслаждением втянул в лёгкие пахнущий озонным воздухом.

– Ах, обожаю этот запах иных планет! – вздохнул он. Максим и Джон последовали его примеру. Едва сняв шлем, он сразу же спросил:

– Здесь проводят озонирование?

– Периодически, – ответил Максим. – Меры предосторожности, чтобы не вызвать распространения эпидемий. Всё-таки на Луну прилетает сейчас очень много туристов, и все они приносят с собой какие-то микроорганизмы с Земли.

– Для радиоэлектронщика ты удивительно осведомлён, – с некоторой долей удивления, насмешливо произнёс Виктор. А Максим подумал, что надо бы вообще поменьше говорить. Его коллеги по экспедиции не должны были знать, что Максим – служащий Конторы. Правила есть правила.

Сотрудники туротдела Циолковского проводили будущих европолярников в их комнаты в своеобразной лунной гостинице, представляющей собой кольцеобразное здание, все внутренние окна которого выходили на центральную лужайку, где посреди выращенной на Луне травы и цветочных клумб стоял памятник строительству первого инопланетного города, изображающий человека в скафандре, в одной руке держащего мастерок, а в другой – кирпич. Разумеется, луноград строили совсем не так, не из кирпича и цемента, но в этом был символизм, понятный всем и каждому. Космонавт, который занимается строительством – переломный этап в деле освоения космоса.

С точки зрения Максима, почти никаких развлечений в Циолковском не было. Разве что библиотека, кинозал да та самая обсерватория. Но, тем не менее, Виктор был в восторге. Он быстро уговорил американца отправиться в прогулку по лунограду, и Максиму пришлось отправиться за ними. Виктор вёл себя как ребёнок, впервые оказавшийся на Луне, ощупывал стены, соединения между модулями и всё порывался разобрать любое устройство, которое попадалось ему на пути. К счастью окружающих, никто не позволял ему сделать этого.

– Вы посмотрите, как здесь всё красиво и гармонично! Просто великолепно, настоящий триумф инженерного искусства! – восклицал Виктор. – Ничего лишнего, только то, что нужно! А на внешнее покрытие Циолковского вы обратили внимание? Реголит, засыпанный в ячеистые структуры! Великолепная защита от метеоритов!

Метеориты, действительно, представляли очень большую опасность для строений лунограда. Множество мелких камешков, которые бы даже не долетели до Земли из-за её атмосферы, на Луне вполне могли убить человека или повредить обшивку станции. К счастью, люди отправились на Луну уже подготовленными, и таких происшествий не было.

Виктор, похоже, решил взять на себя роль гида. Он таскал Максима и Джона из модуля в модуль, увлечённо рассказывая о том, что здесь есть и для чего это нужно, а ещё о том, кто всё это изобрёл и когда. Хоть Максиму и не очень нравилось пребывание в Циолковском, но слушая Виктора, он не мог не проникнуться гордостью за свою страну. Действительно, построить столь совершенное космическое поселение, да ещё и в очень тяжёлые для страны годы, было настоящим подвигом. И именно как памятник тому подвигу Циолковский стал самой главной достопримечательностью советского космоса. Сюда отправлялись не просто туристы – сюда отправлялись паломники. Причём не только из Советского Союза, но со всего мира.

Джон особо не был впечатлён тем, что видит, и говорил, что Циолковский сильно напоминает ему любую полярную станцию. В принципе, так оно и было: это тоже был комплекс зданий, предназначенных для выживания человека в неподходящих для него условиях. Зато Джон сразу отметил, что Земля с Луны выглядит очень красиво.

На следующий день после прибытия на станцию первой тройки будущих европолярников, прибыли и их коллеги. Посадка спускаемого модуля прошла благополучно, и Максим наблюдал за тем, как, слегка пошатываясь после трёх дней в невесомости, его товарищи выходят на поверхность Луны. Теперь у них был один день на то, чтобы познакомиться с Циолковским, и уже завтра надо было вылетать к Юпитеру.

Максим и прилетевшие с ним члены экспедиции специально не обращались до этого за помощью экскурсоводов, ожидая прибытие следующей тройки. Теперь же, когда все были в сборе, они могли отправиться на настоящую экскурсию. Их экскурсоводом стал Павел Петрович, немолодой учёный, который уже не первую смену жил в Циолковском. Экскурсовод сразу же начал рассказывать гостям, почему луноград построен именно здесь:

– Как вам должно быть известно, мы располагаемся на горе Малаперт, которая расположена недалеко от одноимённого кратера. Это место было выбрано не случайно. Для начала, гора представляет собой относительно ровное плато, на котором удобно возводить строения. Также здесь располагается пик вечного света, то есть Солнце здесь светит почти восемьдесят девять процентов всего времени. Это очень большая экономия на освещении, а также замечательное подспорье для развёртывания солнечных электростанций. Кроме того, отсюда постоянно видно Землю, пусть и в непривычном для нас перевёрнутом вверх ногами виде, но прямая видимость создаёт прекрасную возможность для постоянной радиосвязи с Землёй. В добавок ко всему, здесь относительно ровная температура около минус пятидесяти градусов, в то время как на остальной поверхности Луны температурные перепады составляют порядка двухсот градусов Цельсия, от минус ста пятидесяти до плюс ста двадцати.

Дослушав вводную часть, доктор Симада задал вопрос:

– А как долго здесь постоянно живут люди?

– Рекорд по пребыванию в Циолковском составляет один год, – ответил Павел Петрович. – Обычный срок смены – полгода. Но в принципе здесь, на Луне, проще, чем в невесомости, а как вам должно быть известно, на станции «Мир-2» рекорд постоянного пребывания уже полтора года, так что и мы идём к тому, чтобы увеличивать возможный срок смены на Луне. Но другое дело в том, что на Земле у нас семьи, и видеться с ними раз в полгода это довольно тяжелое испытание.

– Да у вас тут всё как в Антарктиде, – заметил Джон. – Даже и полярный день есть.

– Да, пребывание на других планетах очень похоже на зимовку, – с улыбкой заметил экскурсовод. – И вас не даром зовут европолярниками.

Павел Петрович повёл их по разным модулям, рассказывая о том, как строился Циолковский и о том, чем здесь сейчас занимаются люди: инженеры и учёные:

– Когда мы начинали строительство, было совершенно непонятно, что из всего этого получится. Здесь, на месте будущего города, стояли всего три надувных жилых модуля. Нужно было решить огромное количество задач: поставить первую фундаментальную постройку, обеспечить её надёжную защиту от метеоритов, наладить на месте добычу кислорода и воды. Первые экспедиции строителей, по расчётам, могли пребывать на Луне не более трёх месяцев. На деле же вышло так, что они сразу сумели увеличить этот срок вдвое. Теперь у входа в Циолковский вы можете увидеть памятники героям-строителям, без которых не было бы этого места. А сейчас мы с вами посмотрим на один очень интересный памятник тех лет...

Экскурсовод повёл их в соседнее помещение – довольно большой ангар, внутри которого стояло удивительное средство передвижения: колёсный поезд, с вагонами самой разной и подчас весьма необычной формы.

– Перед вами тот самый лунный поезд «Мирный», с помощью которого и был построен Циолковский, – не без гордости сообщил Павел Петрович. – Работающий от атомного реактора, «Мирный» не только перевозил с места на место первых колонизаторов, но и содержал в себе специальные модули для производства строительных материалов. Да, сейчас Циолковский построен в основном только из местного материала.

– А зачем понадобился целый поезд? Они что, не знали сразу, где будут строить базу? – спросил Джон.

– Да, именно так, заранее никто не знал, где именно строить базу, – ответил Павел Петрович. – Было общее представление о районе строительства, но конкретное место первая экс-

педиция должна была выбрать сама. В любом случае, первым колонистам Луны нужна была мобильность. Никто не мог сразу сказать, с чем придётся столкнуться. Тогда рассматривались разные сценарии, вплоть и до того, что мы можем наткнуться на следы деятельности иного разума, и нам придётся в спешном порядке убираться с Луны. А ещё поезд много весит, а в условиях слабой лунной гравитации только большая масса даёт хорошее сцепление с реголитом. Любое лёгкое транспортное средство чувствует себя на Луне как на льду, хотя под колёсами вроде бы и пыль.

– Вы сказали, что рассчитывали увидеть на Луне инопланетян? – Виктор пропустил мимо ушей все объяснения насчёт поезда, зацепившись только за фразу про иной разум.

– Да, молодой человек, наверное, ни для кого из вас не секрет, что многие космонавты верят в существование инопланетян, – произнёс экскурсовод. – Действительно, даже если мы, отдавая себе отчёт в примитивности наших космических технологий, можем путешествовать между планетами, то почему не могут другие?

Максим тут же вспомнил слова своего начальника о том, что у них есть сигнал даже на случай вторжения марсиан. Тогда он так и не понял, шутка это была или нет, но сейчас он всё больше убеждался в том, что такая мысль вполне могла быть правдой. А значит, вмешательство иного разума должно было рассматриваться и в качестве причины трагедии на Европе. Интересно, какие же директивы на этот счёт получил Константин?

Максим мельком взглянул на главу экспедиции. Но Константин невозмутимо слушал экскурсовода, не подавая виду, что слова про инопланетян его хоть как-то зацепили. «А что, если он вообще ничего не знает о трагедии?» – промелькнул вдруг в голове Максима старый, и, казалось бы, забытый страх. Меж тем экскурсовод повёл команду дальше, и Максим постарался переключиться с мыслей о Европе на экскурсию.

– Лунный пейзаж достаточно однообразен и способен вызывать депрессию у людей, которым приходится наблюдать его по полгода по долгу службы, – рассказывал Павел Петрович, стоя спиной к огромной видеостене, на которую транслировалось изображение залитого солнцем луга. – Поэтому в Циолковском нет выходящих наружу окон, а есть только такие видеостены, показывающие различные земные пейзажи.

– Но ведь у вас здесь есть оранжерея? – уточнил Виктор.

– Оранжерея есть, – подтвердил экскурсовод. – Но до неё ещё надо дойти, а видеостены видят все на протяжении всего дня.

– А как организована экосистема Циолковского? – задал вопрос доктор Симада.

– Фактически у нас здесь реализован почти что замкнутый цикл жизнеобеспечения. Жидкие органические отходы перерабатываются в воду, твёрдые используются в создании питательной среды для хлореллы, бытовые отходы перерабатываются для повторного использования.

– То есть нас тут водорослями кормили? – услышав про хлореллу, спросил Джон.

– Хлорелла используется в рационе обитателей Циолковского, но наша пища не состоит на сто процентов из неё, – ответил Павел Петрович. – Так что можно сказать, что водоросли вы ели, но не только их.

– Нет ничего плохого в водорослях, – произнёс доктор Симада.

– Ну, вы-то, японцы, известные любители пожевать водоросли, – пробурчал Джон.

– А ты хотел, чтобы тебя здесь накормили говяжьим стейком? – с насмешкой спросил Константин.

– Было бы неплохо, – сказал Джон, но на это уже никто не обратил внимания. Экскурсовод принялся рассказывать дальше про систему жизнеобеспечения:

– Хлорелла также производит кислород для нашего дыхания, но назвать всё же нашу экосистему полностью замкнутой нельзя. Мы добываем воду из реголита. Для этого по поверхно-

сти Луны ходят комфабы, комбайны-фабрики, макет такого как раз можно увидеть в соседнем помещении.

Павел Петрович прошёл в соседний ангар, члены экспедиции проследовали за ним. Здесь экскурсовод показал им на стоящий на столе макет массивной гусеничной машины. Оценить масштаб можно было по установленной рядом фигурке человека. Максим понял, что в реальности комфаб был бы размером с двухэтажный частный дом.

– Фактически, комфаб – это передвижной завод, – рассказывал Павел Петрович. – Комфаб собирает реголит с поверхности Луны, после чего посредством микроволнового излучения выпаривает из него воду. Эту воду мы и используем на станции. Попутно добываем из реголита ещё и кислород, и разнообразные другие вещества

– А гелий-3 вы тут собираете? – поинтересовался Джон.

– Собираем, – не стал скрывать Павел Петрович. – Но пока, скорее, из научного интереса, нежели ради производства электроэнергии. Стабильного термоядерного реактора у человека так и нет. Кстати, энергообеспечение Циолковского обеспечивают несколько атомных реакторов.

– Атомная энергия очень опасна, – заметил доктор Симада. – Вы не опасаетесь возможных последствий?

– Вот уже тридцать четыре года не было никаких аварий на наших атомных объектах. Мы накопили достаточно богатый опыт в обращении с энергией атома.

– Но Фукусима... – напомнил доктор Симада.

– По большому счёту, там тоже удалось избежать катастрофы, – подытожил Павел Петрович.

– А если бы вы строили эту станцию с участием наших инженеров, то вообще бы ничего такого не произошло, – добавил Виктор в адрес доктора Симады.

– И то верно. Атома бояться – в космос не летать, – перефразировал известную поговорку Михаил Петрович, чем развеселил всех, кроме иностранцев, которые, очевидно, этой поговорки не знали.

– По пути мы видели целое поле солнечных электростанций, а они здесь зачем, если есть атомные реакторы? – спросил Джон.

– Солнечные электростанции – это тестовая площадка, – пояснил Павел Петрович. – Мы отработываем их работу в условиях постоянной метеоритной опасности, кроме того, дополнительная энергия никогда не бывает лишней.

Экскурсовод повёл будущих европолярников дальше, рассказывая про те модули, которые они проходят, про те трудности, с которыми пришлось столкнуться первым строителям советской лунной базы, тогда ещё носившей название «Звезда». По пути экспедиции навстречу попались молодые негритята в красных пионерских галстуках, также возглавляемые экскурсоводом, и Максим вдруг подумал, что по возвращению домой они на долгие годы станут героями родных городов и деревень. Максим краем уха услышал, как один из них спросил экскурсовода, можно ли с Луны увидеть Африку, и экскурсовод ответил, что чуть попозже они пойдут смотреть на Землю.

– И для каждого из них готовили скафандр? – удивился Джон, провожая взглядом африканцев.

– Космос – для человека, – напомнил Константин, а Максим вдруг подумал, что американец всё больше и больше раздражает его. Хотя он и понимал, что человек, выросших в капиталистическом обществе, не может не смотреть на всю советскую космическую программу как на пустое расточительство. И идея подготовки скафандров для этих африканских ребят тоже кажется ему напрасным расходом ресурсов.

– Кстати, насчёт скафандров, – заговорил Виктор. – Я слышал, в ваших американских скафандрах жутко неудобно, вы же фактически перестали летать в космос и утратили все умения делать что-то функциональное и удобное. Только внешнюю красоту оставили.

Джон смерил Виктора полным злости взглядом. Тогда Максим подумал, что таким образом проявляется его неприязнь к Виктору, но уже после отлёта с Луны на Европу ему стало известно, чем же в действительности объяснялось такое поведение американца.

К счастью, экскурсовод вовремя разрядил обстановку, предложив всем прогуляться до оранжереи. Павел Петрович привёл их в обширное строение, всё залитое ярким солнечным светом и утопающее в зелени. Оранжерея была единственным местом в Циолковском, которое имело стеклянную крышу. Крыша эта была сделана из специального ударопрочного и не пропускающего радиацию стекла и состояла из большого количества шестиугольных фрагментов. Изготовить такой материал на Луне пока не могли, поэтому крыша оранжереи была доставлена в разобранном виде несколькими грузовыми кораблями. Теперь же под крышей располагался самый настоящий сад, с небольшим озерцом, ручейком, скамейками и тенистыми дорожками. Оранжерея была излюбленным местом отдыха жителей лунограда, но туристов она привлекала мало – они хотели именно космического колорита и неземных пейзажей. Но доктор Симада, похоже, впечатлился увиденным.

– Это всё выращено в лунном грунте? – спросил он.

– Да, это реголит, но особым образом обработанный, – поведал экскурсовод. – То есть чистым лунным грунтом это уже назвать нельзя. Но, как и всё в космосе, и Луна, и Земля, состоят из одних и тех же химических веществ, поэтому в выращивании земных растений в реголите нет ничего удивительного.

– А эта вода, откуда она? – задал следующий вопрос доктор Симада.

– Эта вода используется только здесь и особым образом рециркулируется, – сообщил Павел Петрович. – Но для питья она непригодна. Чисто декоративный элемент для нашей оранжереи.

– А солнце здесь не нагревает ли чрезвычайно воздух? – спросил Михаил Петрович, поглядывая вверх.

– На половину дня стекло поляризуется, не пропуская солнечные лучи, – объяснил экскурсовод. – Это позволяет сохранить нормальный температурный баланс, а кроме того, здесь есть специальные системы климат-контроля, которые не только поддерживают нужную температуру, но и удаляют лишнюю влагу из воздуха.

– Это всё, конечно, хорошо, но я уверен, что поддерживать лунную базу очень затратно, – заметил Джон. – Куда более затратно, чем поддерживать полярные станции на Земле.

– Затратно, это не секрет, – согласился Павел Петрович. – Но луноград всё-таки приносит куда больше пользы, чем любая полярная станция. Здесь у нас не только проводятся крайне важные эксперименты по выявлению влияния слабой гравитации на человеческий организм. Здесь в принципе отрабатываются технологии жизни на других планетах, причём в достаточно безопасных условиях, поскольку отсюда в случае необходимости вполне можно быстро эвакуироваться на Землю, либо наоборот, сюда может прибыть спасательная экспедиция с Земли. Но за всё время существования лунограда такого ни разу не случилось. Кроме того, Циолковский не только потребляет, но и производит. У нас развита микроэлектронная промышленность, работающая почти полностью на собственных лунных материалах. Мы производим различные приборы, датчики и спутники. Спутники, например, с Луны куда проще запускать, чем с Земли. Нужны куда меньшие энергозатраты. Поэтому сейчас старты спутников с Земли почти и прекратились. Но даже и это не всё. Производство сверхчистых сплавов, проведение различных физических и химических экспериментов, а в перспективе ещё и развитие ядерной физики – всё это даёт нам луноград. Так что нельзя сказать, что мы тут просто проедаем то, что производит Земля.

– Хм, я понял, – отозвался Джон. – А как насчёт военных объектов?

– Официально на Луне отсутствуют военные объекты, – со спокойным видом ответил экскурсовод.

– А неофициально? – спросил Джон.

– А неофициально вы можете думать, как хотите, – сообщил Павел Петрович. Максим не знал, как насчёт остальных членов экспедиции, но ему-то доподлинно было известно, что военные объекты на Луне есть. Слишком хорошей площадкой для развёртывания командных пунктов и ядерных арсеналов была Луна, чтобы её игнорировать.

– А что насчёт необъяснимых лунных явлений? – спросил Виктор. – Все эти вспышки разного цвета на дне кратеров? Вы сталкивались с чем-то подобным здесь?

– Нет, здесь у нас всё спокойно, – ответил экскурсовод.

– А к тем местам, где эти явления наблюдаются, неужели никто и никогда не отправлял исследователей? – продолжал интересоваться Виктор.

– Отправляли, но ничего не нашли, – поведал Павел Петрович. – Скорее всего, это были лишь оптические иллюзии. Факты наблюдения непосредственно с Луны не подтвердили наличия каких-то необъяснимых явлений.

– А я бы всё равно хотел всё это увидеть своими глазами, – произнёс Виктор.

– На обратном пути у тебя будет отличная возможность сделать это, если только ты захочешь задерживаться здесь ещё хоть один лишний день после полугода вне Земли, – сказал Константин Виктору, и Максим подумал, что уж у него-то после Европы будет только одно желание – вернуться домой как можно скорее.

Самостоятельно побродив после завершения экскурсии по лунограду, будущие европолярники вернулись в свои номера. Максим почему-то думал, что Константин вот-вот соберёт их всех для того, чтобы рассказать об истинном положении дел на Европе, но этого так и не произошло. Впрочем, как бы в такой ситуации поступил сам Максим? Скорее всего, тоже ничего бы не рассказал, как не рассказывает сейчас, что он сотрудник Конторы.

Яркое Солнце, проникающее под купол гостевого модуля через систему световодов, создавало впечатление, что всё ещё ясный день, но взглянув на часы, Максим убедился, что уже десять часов ночи. Закрыв окна, выходящие на центральную часть купола, Максим лёг спать – завтра рано утром его ждал старт на Европу.

5. «Юрий Гагарин»

Утро началось с путешествия на маглев-экспрессе на стартовую площадку взрыволётов. На сей раз ехать пришлось дольше, чем в первый день, но всё равно они добрались до места довольно быстро. Их сопровождал всего один человек из Циолковского, молодой парень по имени Павел. В принципе, наверное, обойтись можно было и без него: экспресс был автоматизирован, а уже на стартовой площадке их бы встретили работники космодрома.

Выйдя на станции, будущие европолярники сразу увидели несколько больших бетонных площадок – так называемых стартовых столов, холмы искусственного происхождения, под которыми скрывались здания космодрома, а также несколько наблюдательных вышек и радиолокационных станций. Все стартовые столы космодрома, за исключением одного, были пусты. Ну а на том единственном стоял величественный взрыволёт, в честь первого космонавта Земли названный «Юрием Гагариным». Этот огромный корабль отличался раздутым корпусом, никак не похожим на стройные земные ракеты, но Максим знал, что на Луне, где нет атмосферы, форма корпуса не играет совершенно никакой роли. «Юрий Гагарин» стоял, не касаясь поверхности стола, на шести металлических ногах, и это тоже было весьма нехарактерно для земных ракет, но вполне объяснимо. Взрыволёт не только умел летать, он ещё и умел приземляться. Конечно, такая большая масса не смогла бы сесть на Землю – для корректировки посадки потребовались бы слишком мощные двигатели. Но Луна – совсем другое дело. И именно потому, что с Луны могли стартовать любые корабли, а потом возвращаться назад, спутник Земли и стал для землян первой космической гаванью.

– Атомный взрыволёт, как понятно из названия, летает за счёт энергии атомных взрывов, – поведал Павел. – После взлёта с корабля будут сбрасываться назад атомные бомбы, которые направленным взрывом будут разгонять корабль. А для того чтобы экипаж не пострадал от перегрузок, в задней части корабля расположена амортизационная плита – посмотрите, и сама плита, и её механизм очень хорошо видны отсюда.

– А стартует корабль тоже на атомной энергии? – спросил Михаил Петрович.

– Нет, стартует он на химических двигателях, плюс для его первичного подъёма в воздух используется магнитная левитация.

– Ничего себе, такой здоровенный корабль можно поднять магнитной левитацией? – удивился Джон.

– Ну, у нас тут нет никаких проблем с охлаждением, а потому мы можем себе позволить использовать промышленные сверхпроводники, – объяснил Павел и продолжил рассказывать. – Создание взрыволётов было бы невозможно без космодрома на Луне. Ядерные взрывы в околоземном пространстве запрещены, и потому нельзя было бы запускать взрыволёты. Но в окололунном пространстве вполне можно производить ядерные взрывы, и вряд ли кто-то их теперь запретит, учитывая, что Советский Союз уже очень прочно закрепился на Луне.

– Вы слишком много играете с атомной энергией, однажды она вас предаст, – наизда-тельно проговорил доктор Симада.

– Доктор Симада, но разве человек отделился от животного мира не в тот момент, когда приручил огонь? – спросил Константин. – При том, что огонь ведь очень опасен! Также и с атомной энергией. Только она и позволила нам шагнуть за пределы Земли и из местечкового разумного существа превратиться в космического человека.

– Только энергия атомного взрыва способна разогнать космический корабль до внушительной скорости, – добавил Павел. – На обычном химическом двигателе вы летели бы до Юпитера пару лет, а на взрыволёте долетите всего за три дня.

– Всё же мне кажется дикой идея лететь куда-то верхом на бомбе, – заметил японец.

– Об этом надо было думать на Земле, профессор, – сказал ему Джон.

– Может быть, мы действительно варварски используем атомную энергию, но это единственный способ для нас добиться приемлемых космических скоростей, – сообщил Виктор. – И ещё я должен сказать, что строительство взрыволётов – это отличный способ переделать вчерашнее оружие во что-то действительно полезное для общества.

– Согласен, поэтому давайте-ка уже все погрузимся внутрь, – предложил Константин. Павел подтвердил, что это вполне возможно, и все семеро направились к взрыволёту. Здесь всё было не так, как на Байконуре: никаких журналистов, никаких провожающих. Только чёрное небо, белое Солнце и Земля, перевёрнутая вверх ногами, безмолвно взирающая на то, как её дети отправляются в объятия других планет. Будущие европолярники подошли к взрыволёту и начали один за другим погружаться внутрь. Максим мельком увидел лицо американца и удивился: тот выглядел мрачно, его губы были плотно сжаты, и казалось, что ему больно. Но ничего такого Джон не говорил.

Забравшись вслед за американцем во взрыволёт, Максим очутился в просторном помещении, которое больше напоминало космическую станцию, чем тесный жилой отсек обычной ракеты. К удивлению Максима, Павел залез в корабль сразу за ним. На немой вопрос Максима он ответил:

– Вы что, хотели полететь без пилота?

– Так ты пилот? А почему не сказал нам об этом? – спросил Максим.

– Я говорил, вообще-то, вашему начальнику экспедиции.

– Здесь всего один пилот? – уточнил Максим.

– Да, – Павел кивнул, и Максим подумал, что это бесполезный жест в скафандре, ведь увидеть его можно, только прямо заглядывая в стекло шлема. – Вы бы в принципе и без меня долетели, автоматика всё сделает сама, я тут, скорее, на экстренный случай.

– Всё это напоминает мне древние мореплавания, – раздался голос Константина. Он уже ушёл куда-то в другой отсек, но по радио, которым были связаны все участники экспедиции и пилот, прекрасно слышал разговор Максима и Павла. – Нас куда-то несёт, и мы плывём по течению, лишь изредка вмешиваясь в курс корабля. Раньше нас нёс ветер, а теперь вот автоматика.

– Ну, автоматика всё-таки надёжнее ветра будет, и несёт она нас точно туда, куда нам надо, – возразил Павел.

– Посмотрим, посмотрим, – сказал Константин. – Вот только я за годы работы в экстремальных условиях успел убедиться в том, что автоматика имеет обыкновение подводить в самый ответственный момент.

– Вот на такой случай я здесь и нужен, – подытожил Павел.

Раздался сигнал занять места перед стартом. Будущие европолярники забрались в защищённый отсек, созданный специально для того, чтобы сохранить жизни экипажу в случае аварии на старте. Здесь было целых десять мест, но космонавтов сегодня было только семеро. Едва они закрепились в своих креслах, начался обратный отсчёт.

– Сильно старт на «Гагарине» отличается от старта на обычной ракете? – спросил Максим, обращаясь к Павлу, сидящему у него за спиной. Зеркало, укреплённое на рукаве скафандра Максима, вполне позволяло видеть сейчас лицо Павла.

– Взлёт с Луны в принципе более мягкий, – поведал Павел. Сейчас ещё включают левитатор. А, вот, включили!

Действительно, Максим почувствовал, что их начало поднимать вверх. «Юрий Гагарин» оторвался от стартового стола и завис в нескольких метрах над площадкой. Раздались последние щелчки обратного отсчёта, сопровождаемые голосом диспетчера. Химические двигатели ударили струями пламени в бетонную плиту, и «Юрий Гагарин» взмыл в чёрное небо Луны.

– Сейчас мы отойдём на значительное расстояние от Луны, и только тогда включится наш атомный привод, – продолжал рассказывать Павел. – Мы могли бы уже начать, ядерные

взрывы не оставят заметного следа в окололунном пространстве на фоне обычной космической радиации, но могут случайно повредить спутники, вращающиеся вокруг Луны. Поэтому для начала нам надо бы отойти на почтительное расстояние.

– На что похож полёт, приводимый в движение атомной бомбой? – поинтересовался доктор Симада. – Нас будет сильно трясти?

– Трясти будет заметно, но терпимо, – ответил Павел. – Считайте, что путешествуете на космическом поезде, и тогда всё будет нормально. Когда-то это было большой проблемой, но современный демпфирующий механизм позволяет значительно смягчить толчки.

Как и обещал Павел, выйдя на достаточное расстояние от Луны, «Юрий Гагарин» сбросил первую атомную бомбу. Сверкнула вспышка, абсолютно бесшумная в космическом пространстве, и мощная плазменная струя продуктов взрыва ударила в отражающую плиту в хвосте корабля. Космонавтов заметно потрянуло.

– И так будет каждый раз теперь? – спросил Джон.

– Да, – ответил Павел.

– Ну, вроде, можно терпеть, – заключил американец, но Максим через зеркальце на рукаве увидел, что лицо Джона всё скривилось, словно от боли.

– Если мы отстегнёмся, будет полегче? – спросил Максим.

– Да, но только в том случае, если вы будете находиться подальше от стен, а то можно удариться, – сообщил Павел.

– Уже можно отстёгиваться? – спросил Джон. В этот момент произошёл следующий толчок, и американец вновь скривился. Максим на всякий случай взглянул на японца, но он переносил толчки куда более спокойно, хоть и был гораздо старше Джона.

– Да, можно, – разрешил Павел.

– Отлично, – Джон отстегнулся. – Где у вас тут можно раздобыть нормальный советский скафандр?

– Что, «Космикс» не по фигуре оказался? – злорадно спросил Виктор. Джон ничего не ответил.

– Прямо здесь есть запасные скафандры, – ответил Павел. – Я помогу надеть его. Ты не первый американец, кто просит нормальный скафандр после старта.

– Почему? – не смог сдержать удивления Максим.

– Американский обжимной скафандр не зря так называется, – объяснил Виктор. – Он и вправду очень сильно жмёт. Уверен, у нашего заокеанского друга всё тело в синяках сейчас.

– И ты всё это время знал об этом? – спросил Максим, вспоминая все подначки Виктора в адрес Джона.

– Конечно, знал. Я рад, что наш американский друг не хочет больше упорствовать и готов признать все преимущества советских скафандров – единственных скафандров нашей планеты, в которых люди реально летают в космос.

– Но неужели настолько сильно жмёт? – продолжил удивляться Максим.

– Вот ты знаешь, как жмут носки? Больно бывает?

– Да.

– Ну вот, а скафандр жмёт в десятки раз сильнее. И по всему телу. Но и это ещё не всё. Американцы продолжают шлемы на своих скафандрах покрывать светоотражающим покрытием. Это было бы уместно для выхода в космос, но на Европе совсем лишнее, ведь солнечный свет туда долетает уже сильно ослабленным. А ещё на наших скафандрах есть система усиления движений – а без неё сжать пальцы, знаешь ли, было бы уже весьма сложной задачей. Изнутри скафандр надут, а снаружи давление-то почти нулевое. Без этой системы мы не могли бы нормально работать за пределами Земли.

Максим слушал Виктора в пол-уха. Его гораздо больше интересовало, что там происходит с американцем. Он отстегнулся от своего кресла и развернулся. К этому моменту Павел

и Михаил Петрович уже успели помочь Джону снять его прежний скафандр и обрядиться в другой.

– Я сохраню его здесь до твоего возвращения, – сообщил Павел. – Тут у меня уже хранились скафандры твоих предшественников.

«Юрий Гагарин», постоянно подгоняемый всё новыми и новыми атомными взрывами, на немыслимой скорости устремился к Юпитеру. Оставляя за кормой бессчётные километры, корабль разрезал пустоту, унося семерых представителей рода человеческого всё ближе и ближе к будущему, в котором и межзвёздные полёты перестанут быть чем-то удивительным.

Максим всё ждал, когда же Константин объявит экспедиции, что же случилось с их предшественниками на Европе. И вот такой момент настал. На второй день полёта Константин собрал всех, кроме Павла, в одном помещении, и сразу же перешёл к делу:

– Товарищи, сейчас я должен вам сказать о том, что нас ждёт на Европе.

– Ничего хорошего это уже не предвещает, – проговорил Виктор, но, несмотря на его слова, Константин продолжал:

– Члены предыдущей экспедиции все мертвы. Все до одного.

– Что?! – воскликнул Михаил Петрович.

– Куда вы тащите нас, безумцы? – зло спросил Джон. – На убой?

– Спокойно, спокойно, – произнёс Константин, поднимая ладони к собравшимся. – С нами ничего подобного не случится.

– А что случилось с предыдущей экспедицией? – спросил Максим. Он-то, разумеется, всё прекрасно знал, но ему нельзя было показывать свою осведомлённость.

– Неизвестно, – ответил Константин. – Они просто умерли, все. За пределами станции.

– Ну хоть какие-нибудь версии есть? – спросил Виктор.

– Версий очень много. Внезапная эпидемия неизвестной болезни, вспышка космического излучения, коллективное помешательство, действия иного разума, диверсия.

– То есть мы ещё и не знаем, с чем нам там предстоит столкнуться? – сделал заключения Джон.

– Нет, не знаем, – подтвердил Константин.

– Тогда откуда такая уверенность, что мы не повторим их участь?! – Джон перешёл на крик.

Потому что мы – лучшие, и мы знаем, что нам грозит опасность! – в ответ Константин тоже повысил голос.

– Очень слабое утешение для тех, кто отправляется умирать! – продолжал Джон. – Я гражданин США, вы не имеете права втягивать меня в свои проблемы!

– Любой из вас может вернуться, – уже спокойнее ответил Константин. – На этот случай у нас заготовлена соответствующая легенда.

– Какая именно? – спросил доктор Симада.

– Вспышка какой-нибудь заразной экзотической болезни, которую нельзя вылечить на Европе, – пояснил Константин. – Так что если кто-то хочет вернуться, он может это сделать. Но надо помнить, что после этого дорога в космос будет ему закрыта.

– Какие версии рассматриваются в качестве основных? – спросил Михаил Петрович.

– Эпидемия неизвестной болезни и диверсия, – сообщил глава экспедиции.

– Диверсия? Чья? – скорее удивлённо, чем напугано, произнёс Виктор. – У наших врагов есть какие-то диверсанты-самоубийцы?

– Диверсия могла быть проведена ещё в позапрошлую смену экипажа, но только сейчас дала о себе знать, – предположил Константин.

– А что насчёт иного разума? – мимо этой темы Виктор ну никак не мог пройти.

– Это самая невероятная версия случившегося, но сбрасывать её со счетов мы не можем, – объяснил Константин. – Нужно постараться предусмотреть абсолютно всё.

– И какие же у нас инструкции на случай обнаружения иного разума? – продолжал любопытствовать Виктор.

– Подать особый сигнал и не вступать в прямой контакт. При необходимости – эвакуироваться на орбиту и ожидать прибытия взрыволёта, – рассказал глава экспедиции.

Повисло молчание. Максим чувствовал, как градус накала страстей постепенно спадает, но назвать ситуацию спокойной у него бы язык не повернулся. Он оглядел лица собравшихся. Почти все они выражали состояние тягостной задумчивости, но самое мрачное лицо было у самого Константина.

– Товарищи, нас не просто так всех собрали в эту экспедицию, – заговорил Константин. – Мы все неженаты, и детей у нас нет, либо дети уже успели давно вырасти. Именно нам доверили потрясающее по важности дело, которое повлияет на всю будущую человеческую историю, и я считаю, что отступать мы не вправе. Вот взять хотя бы тебя, Джон? Что ты оставил на Земле? Ты отправился сюда ради денег, ради денег носил тот неудобный скафандр, но зачем тебе столько денег? Что ты хочешь купить с их помощью? Я знаю, в чём тут дело, мне это знакомо: в перерывах между экспедициями ты хочешь жить королём. Но разве не в том будет королевская слава, чтобы отправиться навстречу неизведанному и победить? А вы, доктор Симада? На Земле вы сделали уже всё, на пятки наступают молодые учёные. Для вас только Европа может стать настоящим прорывом в морской биологии и позволит, наконец, вписать своё имя в историю науки золотыми буквами.

Константин взял небольшую паузу передохнуть, но не успел он вновь заговорить, как раздался голос Виктора:

– Возможность столкнуться с иным разумом, говорите? Вы знаете, а я с вами!

– Если дело в неизвестной науке болезни, то мой долг как врача исследовать и описать её, чтобы спасти от трагической участи будущие экспедиции, – присоединился к Виктору и Михаил Петрович.

– Я уже стар и мне в любом случае нечего терять, – проговорил доктор Симада. – Но зато я могу что-то приобрести. Я с вами!

Максим вдруг осознал, что только они с Джоном ещё не высказали своё мнение, и теперь всё внимание обращено именно на них. Что мог сказать Максим, что его ведёт долг сотрудника Конторы, что без него не смогут вычислить диверсанта, если он там был? Конечно, об этом ни в коем случае нельзя было говорить. Поэтому Максим произнёс:

– Я остаюсь со своей командой. В любом случае.

Константин кивнул и повернулся к Джону.

– Ты можешь вернуться, если хочешь, – напомнил глава экспедиции. Джон молча уставился на него. Все обернулись к американцу, ожидая его ответа.

– А, к чёрту всё! – наконец, воскликнул Джон. – Я в деле!

– Я рад, что все определились, – произнёс Константин. – Уже завтра мы высаживаемся на Европе. И надо быть готовыми ко всему.

– Но не думай о том, что если мы все согласились пойти за тобой, мы не потребуем более подробных разъяснений! – сказал Джон, и Максим подумал, что сейчас он, пожалуй, выразил мысли всех членов экспедиции.

– Да, как они погибли? – присоединился Михаил Петрович.

– Доподлинно ничего не известно, – сразу начал Константин. – Но мы знаем, что все они погибли вне стен станции.

– Но разве по правилам безопасности они могли все разом покинуть станцию? – спросил Виктор.

– В том-то и дело, что нет, – ответил Константин.

– Может быть, они выходили друг за другом поодиночке, на поиски, а в итоге никто так и не вернулся? – предположил Михаил Петрович.

– Они все в конечном итоге оказались не так далеко от станции, – поведал Константин. – На таком расстоянии системы связи их скафандров однозначно работали, и они могли сообщить своим товарищам, что с ними происходит. Так что вряд ли бы они выходили один за другим, зная, что снаружи им угрожает смертельная опасность.

– Да ведь это как раз и может быть объяснением, – Виктор принялся высказывать только что пришедшую ему в голову идею. – Как раз зная, что и товарищам угрожает смертельная опасность, они и выходили наружу, чтобы помочь им. Но обстоятельства оказались сильнее.

– Есть ещё одна деталь, которая всё портит, – Максим ждал, когда же Константин объявит об этом, и вот он заговорил. – Один из членов экспедиции вышел из станции прямо без скафандра.

– Наружу без скафандра? – удивился Джон. – Это ещё хуже, чем в Антарктиде выйти без одежды!

– Значит, они бежали от чего-то, что было на станции, – поделился мыслями Михаил Петрович.

– Но что такого могло оказаться там? – задал вопрос Виктор и тут же попытался сам на него ответить. – Они нашли какое-то инопланетное существо, которое проникло в их сознание и заставило их покончить жизнь самоубийством?

– Вряд ли это существо приказало бы им надеть скафандры и выйти наружу, – неожиданно для самого себя, Максим вдруг включился в обсуждение. Главное теперь было не выдать, что он знает больше остальных.

– Почему? – задал Виктор самый простой и притом самый сложный вопрос из возможных.

– Если это местное существо, оно вряд ли вообще знает, что такое скафандр, – принялся объяснять свою точку зрения Максим. – Да и вообще я не верю в то, что может быть такая совместимость разумов между существами, выросшими в совершенно разных условиях. Даже на Земле нет ни одного существа, способного проникать в разум других. Так что существование подобных способностей можно в принципе отвергнуть как ненаучное.

– Вселенная бесконечна, почему ты думаешь, что в ней не может быть чего-то, о чём мы и не догадываемся? – Виктору понравилась его идея, и, похоже было, что он станет её отстаивать до последнего.

– Многообразие живого на Земле тоже теоретически бесконечно, – вдруг раздался голос доктора Симады. – Но ничего подобного за миллионы лет эволюции природа на Земле не породила, а значит, и на других планетах мы вряд ли встретим что-то такое.

– Откуда вам знать, что эволюция не породила существ, способных захватывать разум других? Может быть, они когда-то жили, но просто вымерли? – упорствовал Виктор.

– Если бы такое существо появилось, оно бы быстро стало доминирующим видом на планете, и к нашему времени бы не вымерло – поведал доктор Симада.

– А я тут ещё хочу заметить, что мы до сих пор толком не знаем, что такое разум и как он работает, – произнёс Михаил Петрович. – А раз не знаем, то и способов захватывать его не имеем. Разве что кроме гипноза, но это весьма условный метод. Хотя вряд ли для кого-то будет секретом, что все государства в двадцатом веке вели исследования в этом направлении, но ни у кого не получилось. Попросту нет никаких мозговых излучений, которые можно было бы перехватывать или наоборот, транслировать от одного человека к другому. Так что все эти рассуждения об инопланетных захватчиках разума – всего лишь досужие домыслы.

– Хотя справедливо будет заметить, что на Земле есть существа, внутренние паразиты, которые могут влиять на биохимию мозга хозяина, тем самым заставляя его делать нехарактерные для него вещи, – заметил доктор Симада. – Например, черви-волосатики, живущие в кузнечиках, заставляют их топиться в водоёмах, а сами при этом выходят наружу. Но даже в этом случае для начала паразиту нужно проникнуть в организм хозяина, а я не представляю,

как это возможно в стерильной обстановке инопланетной исследовательской станции. И это не говоря о том, что биохимия человека и гипотетического европейского паразита должна совпадать, а это уже и вовсе невероятно.

– Всё, мне кажется, вас понесло куда-то не в ту сторону, товарищи – отрезал Константин. – Мы так можем бесконечно долго рассуждать, что же там случилось, но пока мы не увидим всё своими глазами, мы всё равно не установим истинных причин случившегося.

– Но мы же должны хотя бы проработать возможные варианты, что там у них случилось, – проговорил Виктор.

– Вот именно, – согласился Константин. – Поэтому нам надо понять, как мы будем действовать в той или иной ситуации, а не предаваться пустому теоретизированию.

– Я предлагаю всё же начать обсуждение именно с гипотезы биологической опасности, некой инфекции, – проговорил Михаил Петрович.

– Да, Михаил Петрович, мы слушаем вас, – глава экспедиции разрешил врачу взять слово.

– Я должен предупредить, что датчики скафандра не способны определить наличие биологического заражения, – предостерёг врач. – Перед входом на станцию мы должны будем провести самое тщательное исследование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.